

Король-демон

13

ВЕСЕННИЕ ГРОЗЫ

Виктор Ночкин

Король-демон Ингви

Виктор Ночкин

Весенние грозы

«Автор»

2012

Ночкин В.

Весенние грозы / В. Ночкин — «Автор», 2012 — (Король-демон Ингви)

С приходом весны начинается война – таков закон жизни в этом не самом тихом из миров. А пока императорская армия движется на запад, пока войско Церкви спешит схватиться с нелюдями на севере, пока гномы короля Грабедора штурмуют крепость Ойверк на востоке, некромант из Могнака Забытого готовит новое оружие, орки из Черной Скалы готовятся отразить невиданных врагов на юге... а бывший солдат по прозвищу Хромой ищет свое место в сотрясаемом войнами Мире.

© Ночкин В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	46
Глава 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Ночкин

Весенние грозы

Часть 1

Грязь

Глава 1

Альда

– Как-то не вовремя весна начинается... – пробурчал Ингви, с хрустом разминая пальцы.

Всадники конвоя, хотя и с трудом, пробирались по обочине, там земля все еще сохраняла ледяную, более или менее прочную, корку. А вот фургоны то и дело вязли в раскисшем сером месиве. На обочину их не решались вывести из-за кустарника и торчащих из-под снега переплетенных корней. Все это было перемешано со слоями замерзшей грязи, слиплось неровными буграми и ухабами. Так что фугонам оставались только лужи на дороге. Там повозки, хотя и вязли, но все же продвигались. Хотя и продвигались, но вязли!

Вот и теперь король-демон готовился вытаскивать фургон, завязший в покрытых талой водой колеях. Прочитав нужные заклинания, Ингви сполз с седла в дорожную грязь – медленно, нащупывая опору. Положил ладони в грязных перчатках на задний борт фургона.

Ннаонна, наблюдавшая за действиями короля, крикнула вознице: «Давай!». Тот щелкнул кнутом, прикрикнул, усталые лошади переступили на месте, уперлись в склизкую кашу копытами... Ингви толкнул фургон сзади. Грязь вокруг лошадиных копыт вспенилась, надулись и с чавканьем лопнули серые пузыри... Сапоги Ингви погрузились в вязкую массу... Повозка со скрипом, хлопаньем и треском поползла из лужи.

Король выбрался на обочину. Потопал, стряхивая грязь... Ннаонна протянула ему повод, и Ингви взобрался в седло.

– Как-то не вовремя весна начинается...

– Это ты уже говорил.

– И буду повторять всякий раз, когда проклятая телега увязнет снова.

Ингви пустил коня шагом – вслед за удаляющимся караваном.

– Но мы должны были все это взять с собой! – бросила ему в спину вампиресса.

Вообще-то, на том, чтобы прихватить повозки, настояла она, так что ей было жалко Ингви, и даже неловко. Но теперь отступать уже поздно, все равно отправлять фургоны назад смысла нет, они слишком далеко от столицы. Когда выходили из города, весна почти не ощущалась, дорога была твердой... кто же мог подумать, что здесь, ближе к Мокрым горам, такая слякоть? К тому же солнце почти не показывалось, небо затянула серая дымка, больше похожая на сгустившиеся клубы тумана, чем на тучи, несущие дождь. Туман заволакивал округу, мягкий, податливый, теплый. Снега таяли и оседали, исходили тяжелым паром... Серая дымка справа и слева, спереди и сзади, да и сверху – такая же. И грязь под ногами – серая!

Хотя и дождь вполне может зарядить, все-таки Мокрые горы совсем недалеко, а свое название этот край получил неспроста.

Когда Никлис принес известие о том, что в королевство явились некие новые люди, демон с Ннаонной загорелись идеей – поехать поглядеть на пришельцев. Кто они, откуда взялись, что погнало их в путь среди зимы? На всякий случай они прихватили кое-какие безделушки, которым могли стать подарками для чужих людей. Это было идеей вампирессы – заранее при-

готовить подходящие подношения вождям дикарей... Ингви не спорил, в самом деле, мысль показалась здоровой. А теперь приходится мучиться с неуклюжими фургонами.

Отставшие нагнали голову колонны. Дорога пошла в гору, стала суше, уже чувствовалась близость Мокрых гор, местность сделалась более холмистой.

Никлис придержал лошадь, дождался короля и крикнул, указывая рукой:

– Эвона, гляди, твое демонское величество, горы, что ли?

Туман впереди, там, где в серой пелене скрывалась раскисшая дорога, сгустился и был темнее, чем прежде. Показались Мокрые горы.

Ингви поглядел и кивнул.

– Да, похоже, подъезжаем.

Дорога перевалила через гребень холма, спустилась в лощину, на дне которой колеи снова скрывались под слоем воды. Возницы, покрякивая на лошадей, направили их ближе к обочине. На этот раз удалось миновать топкое место, не увязнув.

– Как-то не вовремя весна начинается... – в очередной раз заявил Ингви.

Ннаонна вздохнула. Король обеспокоен, а ей, напротив, не терпелось дожидаться какого-нибудь миротрясения.

* * *

Из-за распутицы до жилья не добрались – заночевали, съехав с дороги на холмик. Хотя бы не посреди лужи. Ингви, забираясь в фургон, заметил, что вот, наконец, теперь он знает, зачем они тащили с собой обоз. По крайней мере, переночевать можно под тентом, не тратя времени на то, чтобы поставить шатер в грязи.

Ннаонне не спалось, она долго вертелась под ворохом одеял и плащей. Снаружи все было отсыревшим, волглым, противным на ощупь, да и поклажа постепенно впитывала влагу, которой был насыщен воздух Мокрых гор. Пока вампиресса устраивалась поудобней, Ингви молчал. Наконец девушке надоело возиться, и она позвала:

– Ингви! А о чем ты сейчас думаешь?

– Как ни странно, ни о чем. Мысли все куда-то разбрелись. Мне кажется, что это – последняя ночь, когда можно ни о чем не думать, вот я и пользуюсь возможностью.

– Как это – последняя ночь? Почему ты так говоришь? Ты всегда очень сложно говоришь о простых вещах! Как скажешь, то сперва кажется, что ты о чем-то невиданном заговорил, а потом объяснишь и выходит – все просто.

– Просто? Нет... Не знаю. Понимаешь, сегодня у нас еще есть выбор.

– Какой выбор? Ты о чем? – девушке не хотелось спать, и она старательно поддерживала разговор.

– Выбор, это значит, мы сейчас свободны, можем поступить так или этак. Мы едем в Мокрые горы глядеть на новых людей... пока что ничего не случилось. Потом мы расспросим этих пришельцев, конечно, окажется, что с ними связана какая-то история. Мы захотим встрять в эту историю, начнутся приключения, и тогда уже выбора не будет. Всякий раз нам придется что-то делать быстро, не задумываясь. Мы будем куда-то спешить, чего-то добиваться... Если новые люди не принесли ничего интересного, то у нас в запасе золото эльфов. Возможно, мы отправимся за ним в Семь Башен. И снова – дорога, спешка и никакого выбора.

– А разве это плохо?

– Наверное, нет, не плохо. Выбор – это не всегда свобода, а отсутствие выбора – не всегда неволя. Тот, кто мчится, не задумываясь – тот выглядит куда более свободным, чем сидящий в задумчивости. Тебе такое не приходило в голову?

– Не-а, это опять какие-то сложности. Мне в голову всегда приходит что-то простенькое, а ты чего-то...

Девушка зевнула.

– Ладно, – решил Ингви, – давай спать.

Под утро упал густой туман, окутал стоянку, задушил звуки, насытил воздух влагой... Разведенные вечером костры давно погасли и остыли, угли покрылись росой. Отсыревшая одежда не спасала от зябкой мокрети. Продрогшие путники заторопились в дорогу, оседлали и запрягли лошадей. Конвой спустился на дорогу, под колесами и копытами захлюпала вода. Раздвигая тяжелые ватные клубы тумана, путники двинулись по тракту...

Стало светлей, но туман не рассеялся. Дорога спускалась в лощины, взбиралась на холмы, которые становились все выше и круче. Тракт стал петлять, огибая особенно отвесные склоны. Конвой уже достиг Мокрых гор, невысокие хребты маячили сквозь туман темной стеной. Туман редел очень медленно, а солнце по-прежнему скрывалось в серой дымке – Мокрые горы оправдывали свое название. Здесь такая погода являлась обычным делом.

Наконец показалось жилье – вырубки вдоль тракта, шалаши пастухов на склонах. Снега здесь почти не осталось, только редкие белесые заплатки на северных склонах, где была тень.

– Слышь-ка, твое демонское, – окликнул Никлис, – подъезжаем! Здесь знакомец мой живет, свернем к нему?

– Так его же нет, он нас на постоялом дворе принимал? – припомнил король.

– Тем и лучше! – бодро откликнулся начальник стражи. – Стало быть, места в доме хватит. У него на хозяйстве сынок младшенький, он и встретит, он и за старшинами здешними сгоняет.

Тут серая пелена наконец лопнула, в прорехе показался бледный солнечный луч.

Ингви поглядел вверх и заключил:

– Ладно!

* * *

Ферма, к которой вывел Никлис, представляла собой группу строений, обнесенных плетнем. Ограда была высокая, в рост человека. Здесь люди жили не деревнями, а вот такими поселениями, потому что места под пашни в горах не хватало. Крестьянские роды занимали подходящие участки подальше друг от дружки, ну а в долинах между их владений сохранились леса, так что от хищников приходилось защищаться постоянно.

Младшенький сынок никлисова компаньона оказался тощим долговязым парнем. Завидев подъезжающий конвой, он сперва растерялся, потом узнал короля, сдернул с головы шапку, поклонился – и вот тут-то обалдел по-настоящему.

– Ну, чего рот разинул? – гаркнул на пацана Никлис. – Давай, веди в дом, приглашай гостенечков дорогих! Не видишь, какая тебе удача, слышь-ка выпала? Самого короля принимать будешь!

Впрочем, приглашений не требовалось. Сопровождавшие Ингви солдаты из отряда Воробья, отлично разобрались сами. Завели фургоны, распрягли лошадей. Никлис распоряжался так уверенно, что хозяйский сын и не подумал возражать. Впрочем, его бойкий начальник стражи тут же услал за местными старшинами. Парень умчался, разбрызгивая грязь – похоже, ему не терпелось поскорей избавиться от необходимости что-либо делать. Обернулся он часа за полтора. Конечно, никого не привел, а обошел хозяев соседних хуторов, велел звать выборных старост. Так, от подворья к подворью, передаются новости в здешнем краю.

Когда паренек возвратился, в печи уже развели большой огонь, гости разделись, насколько позволяли приличия, и сушили мокры плащи. Юный хозяин сунулся туда, сюда... его суета не требовалась, в фургонах нашлось достаточно припасов, чтобы накрыть стол. Затем парня кликнули к королю. Ингви хотел расспрашивать мокрогорца, что за новые люди объявились в пределах державы, но юноша ничего не знал толком. Его оставили на хозяйстве,

теперь приходится одному за всем присматривать – головы не поднять, не то, что еще куда-то отлучаться, на чужаков глядеть.

– Надо же, – заметила Ннаонна. – Тут миротрясение начинается, народы с места сдвинулись, того и гляди все кругом задрожит и развалится, а ему головы не поднять...

– Люди не любопытны, – поддакнул Ингви. – Тем более, здесь, на окраине Мира.

Юнцу, должно быть стало обидно за себя и за родные края. Во всяком случае, он набрался смелости буркнуть:

– И вовсе не окраина Мира у нас, а самое, что ни есть, замечательное королевство!

– Я знаю, – кивнул Ингви. – Замечательное.

– И хозяйство, опять же! – разошелся паренек. – Куда я от него? Мне батя велел. Ну, побегу я на этих оборванцев глядеть, на пришлых, а ну как лиса опять ограду подкопает? Или еще чего? Как я батю на глаза покажусь, ежели беда какая стряется? Опять же, налоги вашему королевскому величеству платим исправно, мы добрые подданные! Миротрясение или еще чего, а нам хозяйство содержать надобно.

– Вот видишь, – обернулся король к Ннаонне, – как рассуждают мои подданные? Налоги им платить надо, значит, любопытство подождет.

Ннаонна не нашлась, что ответить, поэтому на всякий случай показала верноподданному мокрогорцу язык.

– А чего? – покраснел юный фермер. – Разве не так?

– Воистину так, – торжественно провозгласил Ингви. – К тому же Гуэнверны еще не протрубили. Пока что можно заниматься хозяйством.

Всем ведомо, что конец Мира будет возведен призрачными всадниками – Гуэнвернами. Пока не звенит над Миром вой серебряных труб, значит, рано волноваться.

Глава 2

Ванетиния

Услыхала ли Гунгилла Прекрасная молитвы верующих, или решила так по иным причинам – но весна в этом году выдалась ранняя. В течение двух недель снежные одеяла, укутавшие столицу Империи, осели, прохутились, истаяли. Повсюду журчали ручьи, все пело, звенело и пробуждалось. Столица преобразилась. Улицы в центральной части вокруг Валлахала, омытые талой водой, сияли чистотой. Прохожие останавливались, подставляя лицо теплым солнечным лучам, блаженно жмурились... На окраинах, конечно, повсюду была грязь, но и беднота радовалась приходу тепла. Люди весной частенько радуются просто так, без причины – радуются тому, что пережили зиму с метелями и холодами, дотянули до теплых дней. Весной легко надеяться на лучшее...

Алекиан, приняв решение о предстоящем походе, сразу успокоился. Если прежде было заметно, каких усилий стоит юному самодержцу поддерживать равнодушную маску, то, едва энмарские послы торопливо отбыли восвояси, Алекиан преобразился. Теперь он стал медлительным, немного рассеянным, движения утратили нервную быстроту. Санелана с тревогой приглядывалась к мужу – слишком уж часто он меняет повадки. Да и император стал внимательней к супруге, не напоказ, а в самом деле. Мало-помалу и жизнь Валлахала стала спокойней. Установились порядки, собрался круг придворных – хорошо одетых знатных бездельников обоего пола, без которых невозможно представить себе императорский дворец. Сперва, напуганные суровыми мерами Алекиана, царедворцы разъехались по своим поместьям и, сидя в глуши, жадно ловили новости, исходящие из столицы. Постепенно они вновь потянулись ко двору. Зимняя тоска, любопытство, надежды занять при заново формируемом дворе более высокие, чем прежде, должности – все это подталкивало в путь. Кто привык жить при дворе, в центре Империи, кто привык ощущать сопричастность дыханию Мира, тому нелегко обходиться без привычного наркотика. Многие поместья к югу и востоку от столицы были разорены прошлогодними войнами, жить там стало тяжело и неудобно. На западе тоже стало страшновато – сантлакскую границу стерегли, но слухи о бандах мародеров не стихали... а на севере – беженцы из Анновра. Рассказы о жесткости и коварстве нелюдей заставляли забыть о страхе перед суровым императором. Выходило, что в столице сытней и безопасней.

Явившись в Валлахал, господа нашли, что слухи о безумии и жестокости Алекиана оказались сильно преувеличены. Его величество выглядел скорее замкнутым, чем сердитым, а с императрицей бывал по-настоящему нежен.

Придворные дамы приглядывались к округлым формам ее величества – искали признаки того, что Санелана в тягости. Никаких поводов для подобных предположений не было, но дамы поопытней подмигивали: мол, мы-то видим, как они смотрят друг на друга, их величества.

Вместе с тем Коклос Полгнома так и не сумел возратить влияния на «брatца». Император глядел холодно и время от времени напоминал о предстоящем походе, куда карлику надлежит отправиться с войском.

Проповедник Когер по-прежнему находился при особе императора и ежедневно молился в часовне вместе с его величеством. Когеру также было велено готовиться к походу, и архиепископ даже не пытался спорить с решением Алекиана. Мунт намеревался отправляться на север к войскам Белого Круга, и хотел, чтобы вдохновенный чудотворец следовал в архиепископской свите, но решения его величества не подлежали обсуждению.

Придворных мало интересовали предстоящие походы. Они распределили должности, заново обжили покинутые покои. Кто был робок – избегал императора, зато Санелана всегда оказывалась готова принять и выслушать...

Весной, когда стало ясно, что холода больше не возвратятся, неожиданно для всех при дворе объявился король Сантлака Метриен Первый. Прежде придворные слыхали, что верзила содержится под стражей, как изменник – теперь они не знали, как следует держать себя с поверженным королем. Впрочем, на людях Метриен почти не показывался, лишь несколько раз на торжественных приемах верзилу демонстрировали двору и послам. Держался Метриен сдержанно и скромно. Его неизменно сопровождали гвардейцы с оружием наголо и несколько Изумрудов – и эта свита куда больше напоминала конвой, нежели почетный караул.

Не укрылся от внимания царедворцев и металлический ошейник на мощной шее Метриена, однако назначение такого странного украшения оставалось тайной... Опального монарха старались не поминать, при дворе и без него хватало тем для бесед. Праздных обитателей Валлахала куда больше занимала погода. Весной всех занимает погода.

* * *

С возвращением придворных у Коклоса прибавилось забот. Теперь повсюду можно было столкнуться с праздными вельможами, занятых единственно поисками развлечений в унылом Валлахале. Скучающие кавалеры и дамы слонялись там и сям, так что карлику приходилось теперь трижды оглядеться, прежде чем лезть в какой-либо из тайных проходов. К тому же Полгнома взял себе за правило присматривать и за этими ничего не значащими людишками – не для какой-то пользы, нет, от бездельников не зависело ровным счетом ничего, они исполняли в Валлахале роль мебели. Но Коклос не упускал случая подглядеть какой-нибудь мелкий секрет, подслушать невзначай произнесенную шутку с двусмысленным подтекстом. В конце концов, рассуждал карлик, если придворные – мебель, то ведь и за мебелью следует следить.

Единственным местом во дворце, которого шут старательно избегал, оставалось логово Изумрудов. Во-первых, подобраться к чародеям было трудно, они давно обнаружили и замуровали большую часть тайных лазов, которые вели в их покои. Во-вторых, никогда не знаешь, что под силу тому или иному магу, а что нет. А ну как он тоже следит за тобой? Между тем именно Изумруды интересовали сейчас Полгнома. Гиптис явно был осведомлен относительно положения короля Метриена, да и кому, как не магам, было знать о загадочном даре проповедника Когера? Чудесная сила, которой владел провинциальный клирик, некоторое время оставалась темой придворных сплетен, но к ней привыкли, перестали удивляться. Появились новые темы, легкомысленные валлахальские щеголи увлеклись другими новостями, а Коклос никак не мог успокоиться. Разумеется, он частенько следил за Когером, но ничего особенного в неуклюжем увальне не находил. Внешне – обычный клирик, каких в империи сотни и сотни, ничего примечательного.

Наконец Коклос решился – если за Изумрудами не получается следить тайком, остается пойти и поговорить с Гиптисом открыто. Только момент подходящий улучшить. Придворный чародей редко бывал в хорошем настроении. Забот у него много, а численность клана порядком сократилась, да отношение к Изумрудам из-за предателя Велиуина стало куда как менее почтительным. Гиптис убил изменника своими руками, но человека погубить легко, куда сложнее одолеть вздорные слухи... Словом, Коклос решил дожидаться удобного момента и потолковать с магом начистоту – ну, разумеется, настолько начистоту, насколько это возможно между придворным магом и придворным шутом.

Улучив момент, когда никого не было поблизости, Полгнома забрался в тайную галерею и побрел в полумраке, держа курс к части дворца, отданной Изумрудам. Изредка мелькали пятна света, там были оконца, завешанные гобеленами. Однажды карлик расслышал приглушенные голоса. Слов было не разобрать, но интонации, как показалось Коклосу, выдавали волнение и спешку.

– Хм, – буркнул Полгнома, – неужто у нас тут зреет заговор? Сейчас мы его быстренько раскроем и всех изобличим. Давно я не спасал империй...

Карлик крадучись подобрался к тупику, которым оканчивалось боковое ответвление галереи. Привстал на цыпочки, и стал шарить ладонями по холодной пыльной стене. Отыскал впадину и гвоздь под ней. Снаружи на этом месте крепился подсвечник, и если вытащить нижний гвоздь, металлическую пластину, которая служила основой конструкции, можно было повернуть. Коклос аккуратно извлек кривую ржавую железку, и чуть надавил на впадину. Подсвечник пошел в сторону, и Полгнома приник к образовавшейся щели.

– Ну же, любовь моя, счастье мое, ну почему вы столь холодны? – голос Кенперта Вортинского прерывался страстными вздохами и в самом деле звучал взволнованно.

Его собеседница, дама лет тридцати, улыбалась и делала вид, что отталкивает ухажера. На самом деле она отражала приступ не слишком усердно.

– Ах, мой добрый сэр Кенперт, мой герой, – ворковала она, – что же вы так?.. Разве я подавала хоть малейший повод для подобной дерзости?

– Повод? А огонь ваших глаз? А трепет ваших ресниц? Разве я мог не заметить?.. – Кенперт тесней прижался к женщине.

– Ах, неужто я похожа на распутницу? – дама заерзала в объятиях рыцаря, но не стала отстранять его ладони. – Разве я одна из этих, вроде графини Кларенты? Неужто я из дам, к которым можно так дерзко подступать среди бела дня? Ночью, друг мой, приходите ночью! Я буду одна, муж собирается нынче после обеда уехать... Приходите ночью, я отошлю прислугу...

– Ах, я не доживу до ночи!

– Постарайтесь дожить, – красавица наконец вывернулась из объятий, – и приходите ночью!

– О, венец совершенства!..

Коклос закрыл отверстие, возвратил на место гвоздь и передразнил кавалера: «О, венец совершенства! Вот донесу ее императорскому величеству, тогда будет тебе венец... А что такого, все доносят, чем я хуже? Но нет, нет, мы прибережем этот донос. Вдруг пригодится? А сейчас нам недосуг, недосуг!»

* * *

Во владениях Изумрудов карлик стал осторожнее – мало ли, какие чудеса могут здесь случиться... Но все обошлось, ему даже удалось по дороге подслушать беседу двух молодых учеников. Отбросив капюшоны зеленых плащей, мальчишки увлеченно, перебивая друг друга, пересказывали, какие секреты Валлахала они постигли, исполняя поручения старших чародеев.

Разумеется, как и любые подростки, Изумруды в основном вспоминали дам и дев из свиты ее величества, но кое-что любопытное шуту тоже удалось вызнать. В частности, Коклос услышал занятные нюансы об ошейнике, который носит король Сантлака. Это оказалось счастливой случайностью, с Гиптисом карлик собирался обсуждать не Метриена, но и послушанное нынче было не лишним. Полгнома решил, что станет наведываться сюда почаще, а сам, оставив мальчишек обсуждать прелести придворных дам, двинулся к кабинету, прежде принадлежавшем Гимелиусу Изумруду.

В самом деле, как Коклос и надеялся, Гиптис оказался там, раскладывал бумаги покойного колдуна, листал древние книги, перебирал занятные безделушки... Похоже, тощий маг пребывал в достаточно благодушном настроении, лишь бы не разозлился из-за того, что отвлекают.

Долго оставаться рядом с магом карлик не рискнул и поспешно ретировался. Покинув владения чародеев, он стал подыскивать местечко, где окажется удобно покинуть секретную галерею. Исследовав несколько выходов, он повсюду слышал голоса и видел людей. Появляться на свет при свидетелях в его планы никак не входило. Так что приходилось двигаться дальше. Карлик ругался и постепенно закипал – развел, дескать, братец бездельников... Наконец нашлась пустынная комната, где Коклос выбрался из мрака. Ворча и на ходу отряхивая паутину, Полгнома снова двинулся к части дворца, где разместились Изумруды – но теперь уже обычным путем.

Добравшись до выкрашенной в зеленое двери, постучал. Отворил ученик в капюшоне. Клан Изумрудов понес большие потери, вот и встречать гостей приходится ученику, прежде это было миссией кого постарше... Ученик поглядел на Полгнома сверху и довольно равнодушным тоном поинтересовался, чего надо.

– Не «чего надо», а «чего угодно»! – с возмущением поправил Коклос. – Нашей светлости желательно переговорить с мастером Гиптисом, и немедленно! Он сейчас в кабинете покойного Гимелиуса, веди туда!

– А захочет ли почтенный Гиптис принять вашу светлость? – все так же равнодушно осведомился паренек. – О чем вы хотите с ним говорить?

– Это мое дело, о чем я хотел говорить до сих пор, – отрезал карлик, – но сейчас я, пожалуй, захочу побеседовать о нерадивых учениках Изумрудах, которые, используя магию, подглядывают за дамами, вместо того, чтобы постигать премудрости ремесла.

Коклос не знал, виноват ли в подобном нерадении юный привратник, но резонно полагал, что любой юнец в Валлахале поступает упомянутым образом. Во всяком случае, намек подействовал. Изумруд, хотя и по-прежнему лениво двигаясь, впустил Коклоса в покои клана. Затем снял с полки на стене колокольчик (таких имелось с десятков) и встряхнул. Звук Коклос не расслышал, должно быть, безделушка была магическим приспособлением. Изумруд-ученик молчал, так что и карлику ничего не оставалось, кроме ожидания. Через несколько минут появился Гиптис.

– Мастер Изумруд, – обратился к нему Полгнома, – мне необходимо переговорить с вами!

Глава чародеев Валлахала помолчал немного, затем кивнул:

– Следуйте за мной.

Затем маг повернулся и зашагал прочь. Коклосу ничего не оставалось, кроме как броситься едва ли не бегом, чтоб не отстать от долговязого колдуна. Гиптис привел посетителя в собственный кабинет и усадил на стул. Подождал, пока карлик вскарабкается на слишком высокое для него сидение.

– Итак?

– Мне необходимо проконсультироваться относительно Когера. Имеют ли его дарования магическую природу?

Гиптис чуть раздвинул бледные губы – так он улыбался.

– А знаете, господин Полгнома, – промолвил маг, – я уже и не упомяну, сколько раз этот вопрос мне задавали до вас... Нет, он не маг. Во всяком случае, я не чувствую в нем ни капли Дара.

Глава 3

Гева, замок Вейтрель – замок Анрак

Когда маршал некромант возвратился из столицы с принцессой Глоадой, черные маги были бесконечно удивлены. Впрочем, сам мистик был удивлен не меньше, чем сподвижники. Спроси его кто, маршал не сумел бы толком объяснить, что с ним происходит. Чародей забросил дела, и месяц они с Глоадой не вылезали из постели. Им было хорошо и спокойно – никогда прежде некромант не ощущал подобного спокойствия. За окнами завывали метели, серые хлопья вертелись в безумной пляске, иногда казалось, что крепость содрогается под напором пурги... но в камине жарко пылало пламя, и – Глоада, жаркая, сухая, тощая. Она гладила тонкими пальцами пласты мышц на широченной груди чародея и удивлялась:

- Твердый... Почему ты такой твердый?
- Я воин... Ты никогда прежде не обнимала мужчин?
- Мне не встречались до сих пор настоящие мужчины.
- Я первый?
- Ты единственный.

Руки принцессы Болотного Края ползли по мускулистым бокам, забирались под одеяло, опускались все ниже, и Глоада хрипло смеялась, обнаружив что тело маршала твердое не только сверху...

Подручные чародея не смели тревожить его покой. Изредка они забежали принести еды или дров, и тут же поспешно удалялись. Влюбленные будто не видели пришельцев, полностью увлеченные друг другом. А Глоада даже не удосуживалась прикрыть наготу, когда торопливо ловила своего ручного дракончика, заслышав стук в дверь. Бесстыдство принцессы весьма смущало молоденьких учеников.

Дни и ночи сменяли друг друга, но некромант с возлюбленной не замечали течения времени, они были полностью увлечены друг другом. Чародеи не решались беспокоить маршала, замок Вейтрель жил прежней жизнью, маги занимались с учениками, ковали оружие и ждали. В Могнаке Забытом их научили ждать.

И только когда за окном заунывный вой ветра сменился звонким ясным стуком капли, некромант впервые вспомнил о прежних обязанностях.

– А ведь я не поднял ни одного мертвеца с тех пор, как ты поселилась в Вейтреле, – задумчиво промолвил чародей, в то время как горячие ладони принцессы снова и снова исследовали покрытую шрамами грудь.

- Что толку в твоих мертвецах... – буркнула Глоада. – А как тебя зовут?
- Почему ты вдруг надумала об этом спросить?
- Да так... Не говори, если не хочешь... Мне ни к чему твое имя... Какой ты твердый!
- Твердый...

Малыш Дрендарг, всю зиму протремавший на полу перед камином, пошевелился, покрытая колючими выростами чешуя с шорохом проехала по доскам.

Маршал подумал: а в самом деле, десятки лет его никто не называл по имени. Он был чародеем, мистиком, братом маршалом... Имя? Зачем ему? К чему имя брату маршалу Черного Круга, ведь он – единственный в своем роде. Но вот женщина, она хочет звать его по имени. Из темных глубин памяти всплыло слово:

- Кевгар. Так меня звали прежде. Смотри-ка, за окном течет вода... уже весна.
- И что с того?
- Скоро можно будет отправляться в поход. Ты хочешь?
- Конечно! Давай что-нибудь разрушим, погубим, сожжем! Объявим Миру о своем присутствии!

– Обо мне Миру хорошо известно. Но мои неупокоенные, я совсем забросил их!

– О неупокоенных Мир знает, это верно... – Глоада тесней прижалась тощим торсом к массивному телу некроманта. – Какой ты твердый... Нужно придумать что-то новое. О, какой ты весь твердый!..

Некромант довольно хрюкнул и потянулся.

– Придумай, придумай для меня что-нибудь новенькое. Нашему Черному Кругу как раз не хватало фантазии, мы всегда следовали единожды предначертанному, и даже не задумывались о том, что наш глава – мелкий интриган, неудачник и бездарь. Придумай что-нибудь для меня, и мы воплотим твои фантазии в реальность. Самые мрачные и злые фантазии!

– О, какой ты твердый...

Чародей осторожно обхватил широченными ладонями хрупкое тело принцессы, приподнял и перенес, так чтобы Глоада оказалась сверху. Девушка склонилась над ним и медленно провела пухлыми губами по лицу некроманта.

– Я уже придумала, Кевгар, любимый. Я знаю, кто тверже, чем ты. А теперь...

* * *

Мало-помалу подручные некроманта привыкли обходиться без него. Строгий порядок, установленный чародем в Вейтреле, соблюдался неукоснительно – маги исполняли обязанности, как было заведено, несли стражу... когда маршал неожиданно появился во дворе замка, они немного удивились. Маршал обошел мастерские, склады и хранилища, затем велел магикам собираться в путь.

Привыкшие ничему не удивляться колдуны переглянулись – выступать в начале весны? В самую распутицу?

– Это будет военный поход? – решился спросить старший.

– Нет. Не военный. Неупокоенных с собой брать не станем. Потребуются повозки, чтобы доставить в Вейтрель особый груз. У нас нет таких, что мне нужны, придется соединять по два самые крепкие и вместительные фургоны, какие только найдутся. И возьмем побольше мешковины, чтобы укутать поклажу. Выступаем через неделю.

Неделю в Вейтреле стучали топоры и грохотали магические заклинания. По приказу некроманта были подготовлены сцепленные попарно фургоны. В каждый впрягали восьмерку, к тому же маг велел прихватить запасных лошадей на смену. И ровно через неделю распахнулись ворота замка и три десятка магов – едва ли не все взрослое население Вейтреля – двинулись по раскисшей дороге.

Глоада также отправилась с конвоем, это не обсуждалось, влюбленным даже в голову не пришло, что можно расстаться. Они соединились на всю жизнь и теперь не мыслили, что смогут порознь. Верхом принцесса не ездила, некромант также предпочитал пеший способ передвижения, да спешить было некуда, в их распоряжении оставалась вся весна – так что тяжелый обоз медленно двигался по чавкающей грязи. Мокрое королевство...

Принцесса Болотного Края ехала в собственной кибитке во главе конвоя, некромант старался держаться рядом. Путь они держали на юго-восток. Когда черный караван проходил через селения, жители в ужасе прятались – о некромантах здесь уже были наслышаны. Поскольку упорно ходили слухи, что черные маги забирают детей, при появлении колдунов малышня прятала или отправляли в лес. Но обоз, возглавляемый некромантом в рогатом шлеме, миновал поселения, не задерживаясь.

Кавалеристы, высланные окрестными сеньорами, следили за колонной, всадники то и дело мелькали на вершинах далеких холмов, собирались отрядами в отдалении, но приблизиться не решались. Колдуны поглядывали на них, но также не выказывали желания вступить в контакт. Постепенно стала ясна цель похода. Они двигались к Анраку. Усталых лошадей

сменяли, колонна нигде не задерживалась, те, что утомился, дремали в дороге, забравшись в пустые фургоны.

Маги-подручные не задавали вопросов, но сами терялись в догадках – что пришло в голову мистик? Что он задумал?

Наконец вдалеке показалась громада замка. Здесь колонна снова сменила направление, повозки двинулись окольным путем в обход Анрака. Судя по тому, что на башнях не были выставлены знамена, младший король отсутствовал. Но маршал не обращал внимания на замок, даже головы не повернул, когда проезжали мимо.

Когда конвой достиг поля, на котором в прошлом году состоялась великая битва, мистик велел остановиться и разбить лагерь. Повозки расположили по периметру, вбили в вязкую, не вполне оттаявшую, почву колья, на которые насадили некое подобие чучел – деревянные каркасы, на которые были наброшены просторные черные хламы. На истуканов повесили амулеты с охранными заклинаниями...

Пока подручные готовили стоянку, мистик отправился побродить по полю, Глоада, как обычно, увязалась с ним... Магики провожали взглядами два удаляющихся силуэта, широкий, массивный – маршала, и тонкий, неуклюжий – принцессы. Проваливаясь в лужи и оскальзываясь в не растаявшем снегу, они брели туда, где громоздились обломки башен и неуклюже топорщились безобразные останки троллей, наполовину ушедшие в вязкую почву. Глоада спотыкалась, маршал бережно поддерживал спутницу под руку, а она осторожно прижимала к себе клетку с недовольным замерзшим Дрендаргом.

* * *

Вскоре идти стало труднее, земля оказалась перепахана, изборождена рытвинами и ямами. Из промерзшей почвы, из груд синего ноздреватого снега торчали древки сломанных пик, раскрошенные щиты, обрывки одежды. Все – промерзшее, вываленное в грязи, растоптанное тысячами ног. Отпечатки сапог и копыт застыли в густо замешанной грязи, окоченели, обернулись льдом.

Некромант выпустил руку спутницы, стащил тяжелый рогатый шлем и, задрав голову, оглядел поле.

– До этого места, – объявил он, – мы дошли. Здесь в начале битвы располагались порядки их пехоты. Потом имперское войско атаковало, оттеснило гевцев до линии башен, а затем мы перешли в наступление. До этого места. Да. Казалось, что все окончено.

– А потом? – живо спросила Глоада.

– Потом этот безумец, Когер, призвал людей императора, и они снова набросились на наш строй. Мы не отступили ни на шаг, сражались стоя здесь. Погляди – вон там.

– Я вижу.

В самом деле, хотя тела павших унесли и предали земле на краю бранного поля, несложно было заметить треугольный контур, образованный обломками оружия и черным тряпьем. Зомби и управлявшие ими магики полегли, не отступив ни на шаг, их клинообразный строй под ударами имперцев подавался внутрь, но не назад...

– Ну что ж, идем, – со вздохом позвал принцессу чародей.

Они заковыляли дальше – туда, где обломки башен и тела троллей образовали продолговатую груды высотой в рост человека. Останки великанов и были целью экспедиции. Глоада присела на угол опрокинутой башни, прижимая к себе клетку. Ящерица возилась, перебирая замерзшими лапками. Девушка поставила клетку рядом с собой на почерневшие доски, отперла дверцу, вытащила любимца и прижала к груди, прикрывая полый плаща. Дрендарг тут же успокоился и замер. Принцесса не глядела на ящерицу, она наблюдала за громоздким силуэтом чародея.

Колдун бродил среди неуклюжих громад, отряхивал куски льда, похлопывал по бездыханным каменным телам. Эти в самом деле тверже, чем он. Никто прежде не пытался поднять мертвого тролля, но если это удастся – что выйдет? Послушный слуга или непокорное чудовище? И какое время потребуется сгустку янтаря и магии, чтобы овладеть каменной громадой, если и на податливое человеческое тело ему требовалось три дня?

Маршал не ломал голову над сложными вопросами высокой магии, он решил просто попробовать. Оглядев останки, он возвратился к обрушенной башне, где ждала Глоада.

– Ну что?

– Я думаю, трех можно попытаться поднять. Они сильно повреждены, значит, потребуется изготовить недостающие части из металла. Идем. Сегодня мы отдохнем после трудного пути, а завтра приступим к погрузке. Из Анрака наверняка наблюдают за нами.

– Они могут нам помешать?

– Нет, напротив, пусть смотрят. Но я думаю о другом... Даже если твоя идея сработает, у нас все равно слишком мало людей для хорошего похода. И живых и мертвых – слишком мало.

– Найми солдат в Ренпристе.

– Просто нанять солдат в Ренпристе?

– А почему бы и нет. Если ты не враг Миру, то живи, пользуясь его благами.

Глава 4

Альда, Мокрые горы

На следующий день после приезда короля начали собираться местные старшины – наиболее авторитетные главы семейств, пользующиеся в сообществе мокрогорских крестьян уважением и доверием. Кто жил неподалеку – приходили пешком, кто издалека – приезжали на повозках. Каждый приносил и привозил выпивку и еду. Таковы были местные представления о гостеприимстве – хозяева совместно принимали важную персону. Ингви не удивлялся, все это он видел в прошлом году.

В здешнем краю было немногим больше двухсот хозяйств, некоторые стали центрами деревенок – там, где размер долины позволял родне селиться вместе. Где пахотной земли оказывалось недостаточно, вошедшие в возраст женатые сыновья уходили на новое место и ставили собственное хозяйство. Новым поселенцам помогали сообща – обустроивали подворье, раскорчевывали поля.

Теоретически короне было выгодно расселение – это увеличивало число податных единиц; фермеры, соответственно, старались держаться кучно. Тем не менее, в горных долинах было тесновато, и время от времени возникали новые хозяйства. По мере того, как множились фермерские поселения, граница королевства продвигалась на юго-запад – в Мокрые горы. Свободной земли в долинах хватало, на склонах, обильно орошенных дождями, лежали тучные пастбища, а по ту сторону гор не было ничего. Во всяком случае, в Альде не было известно о каких-либо людях, живущих между Мокрыми горами и морем. На карте Ингви, сшитой из клочков, была обозначена безымянная река, устье которой обратилось в большой залив, изобилующий островами – и ничего более. Так что никакой беды со стороны моря фермеры не ждали и постепенно осваивали долины все дальше к югу. Каждый шаг колонизации – новое подворье, новые подати в пользу альдийской короны.

По большому счету для казны было не слишком существенно – чуть больше или чуть меньше зерна и шерсти поступает из Мокрых гор, все равно мало. Но в глазах местных их оброк был важнейшей вещью в Мире. Посему каждый вновь прибывший считал своим долгом похвалиться перед его величеством, что он оброк внес сполна и только первосортными продуктами. Ингви терпеливо выслушивал, кивал, милостиво одобрял... и интересовался новыми людьми. К его удивлению, рассказы старейшин оказывались скудными и маловразумительными.

Ну, заявили такие вот посреди зимы. Дикие совсем, в шкурах облезлых, тощие да голодные. И вороватые, помилуй Гилфинг, так и тянут, что плохо лежит. Самую ерундовую дребедень без присмотра не оставь, если эти дикие рядом крутятся – стянут, оглянуться не успеешь. Вот какие! Но, правда, не злые и очень пугливые. Открыто никакого зла не чинят.

Добрели с юга до жилья в самую студеную пору, когда хозяин и собаку не выгонит за дверь... кто таковы, откуда взялись? Да Гилфингу то ведомо... Накормили их, конечно, пропасть не дали. Хоть и не правильной веры людишки, а все – душа живая. Выделили им жратвы, разумеется, из одежды чего попроще... А расспрашивать их – зачем? да и лопочут они непонятное, кому охота вникать?

Ингви в очередной раз убедился, как нелюбопытны люди Мира. Ведь удивительнейшее событие – объявились невиданные чужеплеменники, никогда прежде подобного не случалось, а никому и дела нет! Фермеров господский интерес, напротив, не удивил. Его величеству и должно быть любопытно, что в державе и окрестностях творится, ну а маленьким людям оно ни к чему.

Под вечер устроили что-то вроде пирушки. Пили привезенное королем вино да местную брагу, угощались подношениями, которые привезли мокрогорские старшины. Ингви снова

предпринял попытку расспросить о пришельцах. Но и выпивка не разбудила в фермерах ни памяти, ни любопытства.

– Что ж, – подвел итог король, – придется съездить поглядеть на этих... новеньких...

Оказалось, что ехать придется довольно далеко. Пришлых не пустили близко к жилью, держали в стороне. Опасались воровства, конечно. Сперва, пока разобрались, боялись, что странные оборванцы станут всячески озоровать, но те были совсем смирными и робкими, однако всегда готовы стянуть любую оставленную без присмотра вещь – даже самую, что ни есть, ненужную дрянь.

– Так что, ваше величество, – подвел итог старший мокрогорец, – живут себе эти людишки. В сторонке, стало быть. И нам спокойнее, и им, опять же, тихо да укромно. И пускай, раз уж они такие боязливые.

– Ладно, проводите меня к ним. Сам хочу поглядеть.

– Отчего ж не поглядеть, проводим, покажем. Эх, жалко ваше величество не зимой пожаловали. Нам бы еще лесу побольше заготовить. Так оно славно мечом вашим выходило.

Ингви не удержался, стал хохотать, а Никлис встрял:

– Но-но! Ты, слышь-ка, думай, чего болтаешь! Будет тебе его королевское демонское величество мечом за так махать! Нашел себе дровосека...

– А я чего ж, я бы разве за так? – крестьянин был искренне удивлен. – Я бы со всем превеликим удовольствием стол накрыл, покушать, выпить... Разве же за так?

– Ладно, лучше выпьем! – примирительно объявил король. – Ну а завтра – на новеньких глядеть!

* * *

Наутро Ингви, сопровождаемый полудюжиной старшин, отправился на юг, туда, где обосновались пришельцы. Конвой углубился в горы. Здешние хребты были невысоки и пологи, широкие склоны густо поросли хвойным лесом. Дорога петляла по долинам, огибая скаты. Там, где тракт приближался к обрывам, громоздились груды камней, осыпавшихся с вершин. Через ручьи были переброшены мостики с аккуратными перилами. Местные поддерживали дорогу в хорошем состоянии, а почва здесь была каменистая, твердая – так что, несмотря на весеннюю распутицу, фургоны продвигались достаточно бодро. Тем не менее, странствие по владениям мокрогорцев заняло большую часть дня. По пути остановились пообедать в доме одного из старшин.

Наконец ближе к вечеру, когда распухшее красное солнце уже ползло по гребню невысоких гор, провожатые торжественно объявили, что уже скоро.

Пришлые расположились в широкой холмистой долине между отрогов, поросших лесом. Ингви оглядел стойбище чужаков с перевала. Несколько десятков конических палаток из шкур группировались неровным кругом, в центре – два шатра побольше. Неподалеку журчал ручей. Сейчас, из-за талой воды, поток поднялся, но летом он наверняка будет по колено в самом глубоком месте.

Кое-где громоздились кучи хвороста, в нескольких местах на кольях сушились шкуры. Между палатками и грудями хвороста расхаживали взрослые, носились детишки. Тут и там поднимались дымки. Караван заметили, дикари столпились между убогих жилищ и разглядывали гостей, указывая друг другу пальцами.

Когда конвой приблизился к кругу палаток, толпа выступила навстречу. Возглавляли шествие двое стариков. Один высокий, тощий, в грязных белых шкурах. На тощей жилистой шее – огромное количество ожерелий из зубов, когтей и тому подобного хлама. Седые волосы стянуты потертым шнурком. В руке – копьё со здоровенным костяным наконечником.

Другой – напротив, с ног до головы укутанный в черные шкуры, опирался на посох, расщепленный сверху. В трещину был вставлен матово светящийся шарик размером немного побольше голубинового яйца. На голове у этого старца был колпак со свисающими краями, почти закрывший лицо, только смуглый нос торчит из тени. В отличие от долговязого спутника, этот был кривобокий, согбенный, привлекал левую ногу и на посох опирался не для вида, а по-настоящему, из-за увечья. На шее этого деда также болтались бусы, но не когти и клыки, а камешки, кусочки кожи, а больше всего – раковин. Довольно необычно для жителей гор.

Соотечественники молча толпились позади, только дети перекликались и хихикали. Теперь стало видно, что все, без исключения, дикари выглядят изможденными и усталыми. Взрослых мужчины было очень мало, больше женщин. Да и детей, как показалось Ингви, среди дикарей маловато. Одежда варваров была из шкур, причем большей частью – сшита из небольших кусков. На крупного зверя, пожалуй, эти люди охотились редко. Во всяком случае, никто, за исключением вождя, не таскает ожерелье с клыками.

Ингви спешил и, сопровождаемый мокрогогорскими старшинами, двинулся к предводителям странных людей.

Старик в белом с любопытством уставился на одежды Ингви, должно быть, прежде подобного не видал, а спутник его замер, тревожно поводя носом. Что-то в облике демона насторожило кривобокого старца.

Неожиданно для всех, в том числе и для того, что в белых шкурах, шаман повалился на колени, посох задребезжал по камням. Подвывая, то и дело тычась лицом в землю, старикашка пополз назад. Вождь с копьем покосился на него и тоже опустился на колени. Толпа дикарей попятилась, наряженные в шкуры варвары удивленно взирали на шамана...

Ингви прислушивался к причитаниям старикана и задумчиво гладил заросший подбородок. Ему показалось, что речь варвара отдаленно напоминает язык жителей Архипелага, а его самого старичок именует «защитником Великого Черного Угвана». Ну, защитник, так защитник – почему бы и нет?

* * *

Мокрогогорцы и солдаты, сопровождавшие Ингви, с любопытством взирали на дикарей, их вовсе не удивляло, что с королем-демоном связаны всякие странные дела.

Ингви шагнул к чужакам, те попятились, даже белый старик с копьем. Ннаонна пристроилась рядом с демоном и поинтересовалась:

– Чего это они? Боятся тебя, что ли?

– Сейчас узнаем, – Ингви пожал плечами и, старательно припоминая речь островитян, обратился к вождю в белом. – Кто вы и откуда? И почему этот старик так странно себя ведет?

Рослый варвар с копьем поднялся с колен, покосился на спутника (тот успел отползти достаточно далеко) и заговорил. Его речь в самом деле напоминала язык островитян Архипелага, но звучала со странным акцентом, старик растягивал гласные и делал длинные паузы.

– Мое имя Ранвар, я глава народа аршванов, – объявил он. – Мой шаман признал в тебе защитника Великого Черного Угвана, того самого, что порастил Злого Несмышленища и помог Великому победить в Главной Битве. Позволь пригласить тебя к моему костру, чтобы воздать почести и поблагодарить за спасение Мира!

– Если подумать, то я, пожалуй, и есть великий защитник, – согласился король, – и спаситель Мира.

Старик, опираясь на копье, снова тяжело опустился на колени. Следуя примеру вождя, варвары дружно повалились в грязь. Впрочем, одежды их были изрядно выпачканы.

Ингви оглянулся на мокрогорцев, те мало что разобрали в речи вождя аршванов. Король вздохнул. Очень жаль, фермеры не поняли. Им бы не мешало поучиться у дикарей обхождению!

– В общем, они почитают в моем лице великого воина и знаменитого героя, – со вздохом пояснил демон, – и приглашают в гости. Ну, понятно, что гостить мне у них некогда... но поговорить любопытно. Посидим у костра, поболтаем. Ну и вы со мной тоже.

Вскоре страсти улеглись, дикари были людьми простецкими и явление героя не показалось им чересчур великим событием. Их крошечный мирок был переполнен богами и духами, да и Великий Черный Угван (одно из воплощений Гангмара, разумеется) являлся к их шаманам достаточно часто. Похоже, примитивные варвары не делали различий между духами, которые незримо сопровождали человека повсюду – и теми сверхъестественными существами, которые являлись во плоти. Пожалуй, те, что во плоти, даже могут считаться менее могущественными, ибо не брезгают людьми – а значит, не столь высоко сами себя ставят. Только шаман ощущал истинное положение дела, он не мог не оценить ауру, окружающую фигуру короля, и особенно – Черную Молнию.

Словом, Ингви без особых церемоний пригласили к костру. Со стороны дикарей в пиршестве участвовали вождь с пугливым шаманом, да еще после того, как к огню подседа Ннаонна – к дикарям присоединилась массивная, широкая в кости, тетка. Видимо, старшая женщина рода. От угощения, предложенного Ранваром, король отказался, и велел притащить из фургонов припасы. Начался неспешный разговор. Аршваны сперва наблюдали за гостями, потом их наделили снедью из фургонов, варвары расселись в сторонке и стали меланхолично жевать. Щедрость гостей их не удивила – должно быть, подобное вполне к лицу великому герою, «защитнику Великого Черного Угвана».

Из рассказа стариков Ингви понял следующее: аршваны – довольно большой народ, живший к югу от Мокрых гор на берегах моря за большой рекой. Река – видимо, та самая, что обозначена карте. Значит, не слишком дальние края... Жили аршваны мирно, ловили рыбу в море, поклонялись духам-хранителям, да Великому Черному Угвану, который выбрал среди народа шаманов и научил их чудесам. Старый шаман, тот, что в черном, участвовал вместе с прочими колдунами племени в сражении Угвана и его подруги против Злого Несмышлениша и страшных подручных последнего, молодых и яростных. Там-то шаман и заметил короля-демона, который своим волшебным оружием сразил главного противника Великого Черного. Великую победу аршваны праздновали десять дней, съели все припасы, а некоторые так обожрались, что не могли подняться... С тех пор Угван ни разу не появлялся. Аршваны рассудили таким образом, что Великий Черный празднует и веселится так же, как и его верные последователи. У великого бога и праздники, должно быть, великие – так что вполне могло выйти так, что Угван теперь обожрался и не может встать... а может, он подьел с подругой припасы и теперь охотится в океане на китов и морских змеев, чтобы запасти впрок еды для себя и возлюбленной? Им ведь тоже зимовать...

Глава 5

Ванетиния

Беседа с Гиптисом разочаровала Полгнома. Чародей не поведал ровным счетом ничего интересного о загадочных способностях Когера. Коклос был изобретателен и настойчив, намекал, что желает заключить с магом секретный договор, грозил, что предаст огласке делишки Изумрудов – от мелких шалостей учеников чародея до секрета ошейника короля Метриена. Не подействовало. Колдун то ли не желал делиться тайнами, то ли в самом деле не знал. Из этой братии не выжмешь признания, что они чего-то не знают...

В общем, беседа почти ничего не дала карлику. Разве что показала: Гиптис Изумруд тоже не в восторге от власти, которой нынешний император наделил святош... Под конец Гиптис заявил, что ему нужно работать и решительно поднялся – дал понять, что разговор окончен. Делать нечего, Полгнома был вынужден удалиться. Напоследок Изумруд похлопал карлика по плечу и заявил, что благородный господин Полгнома всегда может рассчитывать на помощь придворного мага. Пусть только позовет, если что.

Покинув жилище Изумрудов, он побрел по пустому коридору, бормоча себе под нос:

– Итак, что же у нас получается? Если этот придурок не маг, то, стало быть, его в самом деле вдохновляет Гилфинг Светлый. Если он маг, то почему мастер Гиптис не признает этого? Бойтся? Почему?

Коклос выглянул из-за угла – никого. Тогда карлик двинулся дальше, рассуждая:

– Если Когер колдун, то Изумруд должен быть заинтересован в том, чтоб его опорочить и дискредитировать. Потому что конкурент, все же понимают: Гиптис стал придворным магом лишь потому, что рядом не случилось более толкового колдуна в тот миг, когда назначали на должность... Вообще-то в Море немало магов поспособней Гиптиса... Если же Когер не маг, то мастер Гиптис еще больше заинтересован, чтобы этот поп провалился, сгинул, исчез, потому что магу невыгодно, что рядом с братцем имеется сила, превосходящая магию Изумрудов и действующая сходным образом. К тому же святоша недолюбливает магов, это очевидно. Следовательно, проблема одна – как бы мне убедить колдуна в том, что наши интересы совпадают настолько, чтобы он решился на?... Гм, не вслух, не будем об этом вслух! Задача... Ну ладно, займемся делами.

Карлик как раз оказался в галерее, обитой дубовыми панелями. Огляделся, прислушался – тишина. Убедившись, что свидетелей нет, Коклос сдвинул панель и проник в темный ход. Его путь лежал в скрипторий. Там сейчас трудились в основном монахи, и дело шло к тому, что они окончательно приберут к рукам писарские должности. Карлик затаился у тайного оконца и стал глядеть. Писцы старательно скрипели перьями, переписывая, что им было поручено. В основном – книги, но за столами у двери шла другая работа. У двери сидели те, кто умел трудиться быстро, туда приносили переписать начисто приказы, письма и подобные срочные заказы. Сейчас этим писарям работы прибавилось, приказы и архиепископские буллы поступали непрерывно. Коклос ждал. Вот зазвонил колокол в часовне, гулкие звуки проникли и сюда. Монахам переписчикам колокол возвещал перерыв. Они поднялись и гуськом двинулись из помещения. Те, кому были доверены бумаги, не предназначенные для чужих глаз, сдавали документы старшему писарю. Он складывал листы в массивный ларец. Когда все писцы покинули комнату, старший запер ларец, повесил ключ на пояс и вышел. Грохнула дверь, проскрежетал замок... Теперь более чем на час комната была в распоряжении Коклоса. Разумеется, оригиналы дворцовых секретов заперты в ларце, но то, что старательные труженики успели переписать набело – так и осталось на их столах.

Коклос выждал еще немного – мало ли, вдруг кто припомнит, что забыл в скриптории нечто важное да и вернется... никого. Полгнома навалился на стену в том месте, где один

камень проворачивался на шарнире. Проникнув внутрь, карлик сразу же, не теряя времени, устремился к столам у двери.

– Так, так... что тут у нас? Ничего важного... Ага! Приказы графам западного Ванета, целая куча! Ну-ка...

Шут погрузился в чтение. Приказы были одинаковыми, и писец перебелил их один за другим, оставляя место для имен, названий городов и численности вооруженных отрядов. Всем было назначено отправить отряды конных латников и пеших стрелков в Эгенель, где оным отрядам стать под начало сэра Войса.

Следуя давней привычке рассуждать вслух, карлик принялся подсчитывать, сколько людей окажется в распоряжении Алекиана, когда он выступит на Сантлак.

* * *

Коклос еще раз перебрал бумаги, пересчитал, загибая пальцы. Карлику было немного не по себе, казалось, будто кто-то следит за ним, хотя в скриптории было, разумеется, пусто. Закончив подсчеты, Полгнома стал раскладывать недописанные послания по местам, бормоча:

– Ну вот, даже если все эти господа выполняют приказы в точности, наберется около шестисот... А ведь не выполняют, я их знаю! Братец ошибся. Повели он явиться графам лично – они бы прихватили с собой лучших людей, а так отправят в поход, кого поплоше и с дрянным оружием. Разве братец этого не понимает? Понимает. Почему он так поступает? Потому что верит в силу проповеди нашего серенького дурня Когера. Графов оставляет на местах, чтобы порядок был, а с собой – неважно кого, если Когер дунет-плюнет и все сладится чудом гилфинговым. Это опасно, очень опасно... С шестью сотнями негодных латников и горсткой дворян бросаться на весь Сантлак. Суеверие погубит братца, и что тогда?.. Так, а что у нас здесь?

Карлик перешел к другому столу.

– Ну, это я уже читал. Графам восточных провинций – оказывать всяческое содействие капитану Роккорту ок-Линверу, назначенному сенешалем Востока. Вот еще один старый дурак... Ну, авось управится... а здесь? О, здесь письма северянам!

Коклос стал оглядывать незаконченные послания сеньорам северных земель. На север письма отправлялись непрерывно, и из обрывков, оставшихся сейчас на столе, сложно было бы вывести цельную картину. Но Коклос постоянно следил за перепиской императора, а потому свежие записи разве что дополнили его понимание планов Алекиана и Мунта. На севере назревали грандиозные события, неспроста архиепископ предполагал отправиться туда лично.

Намечалось нанести удар по эльфам, засевшим в Феллиосте, используя воинство Белого Круга. Огромное войско должно было прокатиться по марке железным валом, сметая все на пути. Алекиан и Мунт велели быть беспощадными и, не зная жалости, карать и нелюдей, и подданных императора, запятнавших себя подчинением эльфам. Крамолу следовало выкорчевать с корнем, выжечь каленым железом – именно такие выражения использовал Мунт. Его величество изъяснялся более сдержанно, напоминая своим людям, что следует проявлять твердость...

Коклос быстро пробежал глазами листки, поминутно косясь на дверь. Никто не появлялся, но карлик по-прежнему чувствовал себя странно, как будто за ним наблюдают. Поспешно закончив «работу», Полгнома заторопился из скриптория. Уходил он, разумеется, прежним путем – используя лаз в тайную галерею. Когда карлик, придерживая полы плаща, протискивался в узкий лаз, зацепился за рычаг механизма, запирающего проход. Здесь следовало соблюдать осторожность, так что Коклос задержался и, неловко вывернув шею, медленно отцепил застрявшую одежду. На глаза ему попала крошечная блестка.

Шут аккуратно подцепил булавку с круглой янтарной головкой. Вопреки привычке болтать без умолку, он старательно молчал. Эта булавка – откуда она взялась? Гиптис Изумруд! Точно, он ведь похлопал Полгнома по плечу, прощаясь! Вот тогда и булавочку подвесил! Как

он тогда сказал? «Всегда может рассчитывать на помощь придворного мага. Если что случится – только позовите». Что Гиптис имел в виду? Для чего вздумал следить за Коклосом? Решил воспользоваться карликом, чтобы вызнать то же, что знает Полгнома? Или в самом деле желает помочь, если с шутом стрясется беда? Загадка!

И как теперь поступить с булавкой? Выбросить или, напротив, повсюду таскать с собой? Вот ведь как трудно с чародеями, которые никогда не говорят прямо, что у них на уме...

Полгнома был достаточно знаком с азами теоретической тавматургии и умел обезопасить магический артефакт. Шелк, как известно, препятствует магии. Коклос вытащил шелковый платок и аккуратно завернул находку – так, чтобы янтарная головка оказалась покрыта несколькими слоями ткани.

После этого карлик с наслаждением нарушил молчание.

– Взирайте, как наш герой преодолел могущественные чары коварного мага! – объявил карлик и потянул рычаг, закрывая вход в скрипторий.

* * *

Утомленный похождениями, Коклос отправился на кухню. Там он потребовал на пробу яства, приготовленные к обеду их величеств. В прежние беззаботные времена Полгнома выпросил, чтобы поварам был отдан приказ, позволяющий ему подобные привилегии. Хотя воды с тех пор утекло изрядно, указ действовал по-прежнему, и Коклос регулярно им пользовался. Поварам он объяснял, что избегает парадных обедов, потому что человек он простой, церемоний не любит, да к тому же в императорской трапезной слишком высокие стулья.

Отобедав, шут отправился в собственный закуток, понадежней спрятал зачарованную булавку и завалился на кровать. Разглядывая трещины на потолке, он обдумывал ситуацию, по привычке бормоча вслух все, что приходило в голову.

– Итак, – продолжал он нескончаемый спор с собой, – следует признать, что Когер в самом деле блаженный в высоком смысле. И чудотворец настоящий, без обмана. Если болвану помогает божество, а я считаю, что действия его братцу во вред – значит, в битве с Когером мне следует заручиться сильным союзником. Самым сильным, какой только сыщется, ибо мне придется иметь дело с врагом, которого поддерживает Пресветлый. Кто силен настолько, чтобы уравновесить шансы?.. Да, пожалуй, так. Больше не к кому обращаться.

Приняв решение, шут, однако, с места не двинулся. Он пролежал часа два – ждал, пока закончится обед. Разглядывал трещинки и бугорки, которые сплетались в своеобразный узор, закрывал то один глаз, то другой. Станным образом в воображении шута разводы на потолке переплетались с его мыслями и составляли единое целое. Наконец Коклос задремал.

Проспал шут не больше получаса. Затем вскочил, встряхнулся, зевнул, протер глаза и отправился к императрице. В этот час она обычно отдыхала в своих покоях, окруженная придворными дамами. Коклос явился, громко топая сапожками, чтоб привлечь внимание к своей скромной особе. Колотил подошвами карлик так громко, что все смолкли и уставились на него.

– Ваше императорское величество! – выкрикнул шут. – Прошу личной аудиенции!

– Для вас – все, что угодно, прекрасный сэр, – улыбнулась Санелана. – Прошу!

Ее величество повелительно махнула пухлой ручкой. Дамы, пересмеиваясь, потянулись из комнаты. Они полагали, что намечается некая шутка, которую им покажут после. Когда дверь за последней захлопнулась, Коклос приблизился к Санелане, восседающей в массивном кресле и заговорил тихо, чтобы его не могли подслушать любопытные вертихвостки, которые, разумеется, сейчас торчат в коридоре.

– Ваше императорское величество, я совершенно серьезно хочу спросить, что вы думаете о нашем чудотворном болване Когере? Скажу сразу: мне сдается, он влечет братца к краю пропасти.

Санелана перестала улыбаться и отвела глаза.

– Он спас Алекиана...

– Ха, он спас брренное тело, но погубил душу и разум. Спасение тела – ерунда! Помнится, я, когда был помоложе, занимался этим постоянно. Вспомните же, за что пожалован мне высокий титул и право отвеdывать все, что сыщется на кухне!

– Это верно, – согласилась императрица. – Признаюсь: мне страшно, когда я вижу этого человека. Он имеет странную власть над Алекианом, он вселяет в мужа удивительные мысли... и он неуправляем.

– Воистину так! Я считаю, братца нужно избавить от этого гилфингова чуда.

– Но я не имею такого влияния, он просто не слушает, когда я заговариваю на эту тему, – пожаловалась императрица. – К тому же Алекиан собирается в поход, а я останусь здесь, в Валлахале. День выступления уже назначен, ничего изменить не удастся.

– Да, я помню. На запад!.. С шестью сотнями дрянных солдат против всего Сантлака. И это все – проповеди Когера! Уж не знаю, как я уберегу братца в Сантлаке, тем более что он сам не слишком-то позволяет себя спасать.

– Милый Коклос, спасите его. Я знаю, вы можете куда больше, чем можно бы заключить по вашему виду... Он погубит себя этим походом...

Голос императрицы дрогнул. Шут покосился на собеседницу – она едва не плакала.

– Хорошо, – объявил Полгнома. – Я обещаю сделать все, что в моих силах... но мне потребуется поддержка.

Глава 6

Гева, окрестности замка Анрак

Некромант с подручными чародеями расположился на поле недавнего сражения. Особо не обустривались, поскольку задерживаться здесь колдуны не собирались. Кстати, пригодились обломки башен – доски пошли на сооружение шалашей и навесов. Устроив стоянку, черные маги занялись останками троллей. Они возились среди завалов, осторожно высвобождая из плена грязи огромные тела. В ход шла магия, в воздухе метались разноцветные искры, иногда от неудачно наложенного заклинания взлетали фонтаны грязи, окатывая тружеников с ног до головы.

Со стен Анрака за действиями союзников наблюдали воины Гезнура. Должно быть, они так и не смогли разобраться, чем заняты колдуны. Во всяком случае, на третий день в лагерь прибыли посланцы. Должно быть, солдаты младшего короля были изрядно перепуганы, но старались держаться бодро и не выказывать страха.

Маршал находился на поле, возился среди раскопов. Когда латники Гезнура явились в лагерь, колдун возвратился, чтобы принять их. На ходу отряхивая ладони, чародей вышел к послам.

– Могу ли я поинтересоваться, – начал старший, – чем заняты...

– Можете даже наблюдать, только не лезьте слишком близко, – отрезал колдун. – Это все? Или вам еще чего-то надо? Говорите скорей, я тороплюсь!

Солдаты смутились еще больше и заверили, что не собирались отвлекать уважаемого господина. Напротив, они готовы предложить любую помощь, какая только потребуется. Помощь некромантам не требовалась, и солдаты остались наблюдать. Лезть «слишком близко» они и не пытались – более того, держались подальше, потому что боялись ненароком попасть под руку магам, которые, используя чары, копали мерзлую землю, перемешанную со льдом.

Колдуны извлекали из грязи тела троллей, очищали, осматривали. Разумеется, мертвые гиганты были сильно изуродованы, и некроманты занимались теми, что пострадали меньше. Троль и при жизни напоминает каменную глыбу, а уж когда его умертвить – и вовсе обращается в скалу. Разумеется, троллиные останки не вечны, они разлагаются, однако очень медленно. Тлен веками будет овладевать гигантскими покойниками.

Глоада торчала на поле вместе с магами, ее занимало все – и мертвые тролли, и заклинания, творимые черными магами, и всевозможные вещицы, которые случалось извлечь из смерзшейся почвы вместе с мертвыми великанами. Принцесса могла часами наблюдать за работой. Клетку с Дрендаргом она повсюду таскала с собой, ящерица мерзла и тревожно свистела из колючего домика. Тогда девушка кутала клетку полрой плаща, не заботясь о том, что колючие прутья, из которых состоит жилище рептилии, разрывают ткань... Глоаду не смущали ни ветер, который иногда нес острые кристаллы льда, ни запах гниения, источаемый замерзшей грязью, ни мрачное уродство троллиных останков.

Наконец первый троль был извлечен на поверхность и полностью очищен. Это заняло два дня. Маги подкатили сдвоенный фургон и погрузили огромное тело. Глоада направилась к солдатам Гезнура, которые мерзли в сторонке, кутались в плащи, но не покидали наблюдательного пункта. У них принцесса потребовала цепи. Некроманты не позаботились захватить с собой из Вейтрея, а мертвого тролля необходимо было укрепить для перевозки. Цепи были без промедления выданы, уж чего-чего, а цепей в анракских подземельях был изрядный запас! Чародеи тщательно накрыли каменное тело наскоро сколоченными щитами и тряпьем, затем прикрутили цепями к настилу. Грузные повозки откатили в лагерь и занялись следующим троллем.

Из Анрака ежедневно отправлялись в столицу гонцы. Сенешаль докладывал сеньору о происходящем поблизости от замка и спрашивал, какие будут инструкции. Через несколько дней, когда маги уже заканчивали возиться со вторым гигантом, пришел ответ: ничего не делать, по-прежнему наблюдать и оказывать любую помощь, какую только потребуется. Гезнур обещал, что, как только освободится, прибудет самолично полюбоваться на занятия некромантов.

* * *

Забот у Гезнура было, как обычно, полным-полно и помимо загадочной возни некромантов. Чем ближе теплые деньки, тем больше дел у короля! Из гор Страха добрался караван – золотые рудники дали первый урожай. Часть пути гевцы проделали по льду Золотой, торопились до начала ледохода.

Пока что золота было очень мало, гевские рабочие только начали осваивать оставшееся после имперцев оборудование. Но и этой скудной добыче мигом нашлось применение. Часть пошла на оплату энмарских товаров, приобретенных в кредит у тех негоциантов, что остались на зиму в Геве. Другая – через доверенных лиц была отправлена в Ванет, шпионам.

Когда королевские чиновники выкупили долговые обязательства, энмарцы приняли золото, не скрывая удивления, они-то были уверены, что нищая Гева – плохая замена Ванету. Впрочем, все равно остались недовольны, восточный рынок оказался слишком скудным по сравнению со столицей Империи.

Ванетские шпионы, чье усердие колебалось в зависимости от гевского золота, тут же оживились. Из их донесений следовало, что Империя не собирается воевать на гевской земле. Гвардейские гарнизоны готовят замки и города к обороне – выходит, они сами опасаются нападения. К сожалению, подумал Гезнур, опасаются напрасно, сил для нового похода у гевского короля не хватает. Ресурсы королевства исчерпаны прошлогодней кампанией... Хотя к союзу восточных государей наконец-то присоединился Фегерн, это не слишком помогло. Армия нищего герцогства не могла существенно изменить баланс сил.

Вместе с тем, Гезнур понимал, что ему нельзя оставить империю в покое. Гева с союзниками в прошлом году отстояла независимость, используя все, чем располагал восток. Зато ресурсы запада Империи отнюдь не исчерпаны. Едва Алекиан соберет под свою руку всех, кто до сих пор уклонялся от участия в войне, он снова станет намного сильнее, чем правители непокорных провинций. Нельзя давать ему возможности укреплять имперскую власть. Гезнур вел оживленную переписку с Грабедором, упирая на то, что враг у них с королем-подгорой сегодня общий, но гном отвечал уклончиво. Писал, что, дескать, очень ценит дружеские порывы гевцев, но имеет собственные планы... Ленотский принц предпочитал сохранять нейтралитет, Глорьея вполне устраивало положение перевалочного пункта для южных товаров, которое теперь занял Ленот. Но и окончательно бить горшки с империей он не желал. Болотный Край также сулил нейтралитет... Безопасный тыл – совсем неплохо, однако Гезнуру нужны были новые союзники для наступательной войны. Он искал таких союзников, но не находил.

Погруженный в эти заботы, король сперва не обратил внимания на сообщения из Анрака. Ну, затеяли что-то некроманты – и ладно. Новые письма заставили его задуматься. Мертвые тролли? Заинтересовали некромантов? Это будило фантазию! В конце концов, Гезнур раздал отцовским чиновникам распоряжения и собрался навеститься в Анрак. Снег к этому времени растаял, дороги разлились жидкой грязью... Путь был труден, однако Гезнура это не могло остановить. Когда он с превеликими трудностями добрался к замку, некроманты уже снялись с лагеря. Выходит, они также не желали терять времени.

Анракский сенешаль, разводя руками, доложил: его величество опоздал всего лишь на день, черные маги ушли вчера. Путь они, должно быть, держат в Вейтрель. Гезнур длинно

выругался, присовокупив «дыррыдам умгрррумргх», и взобрался в седло. Его телохранители едва не взвыли, видя, что король собирается снова двигаться в путь по раскисшей дороге... Но делать нечего – если упрямый Гезнур решил, что грязь его не остановит, значит – придется барахтаться в грязи.

К счастью, черные колдуны, обремененные тяжелой поклажей, двигались очень медленно, увязали в раскисшей глине, перепрягали отдохнувших лошадей, толкали застрявшие фургоны, используя заклинания силы.

Гезнур догнал их и оглядел – массивной фигуры маршала в приметном рогатом шлеме не видать. Колдуны довольно равнодушно пояснили – мистик с принцессой Глоадой отправился в другую сторону от такой-то развилки. Король кивнул и потер подбородок – куда же это? Ну что ж, остается надеяться, что колоритных путников – верзилу в рогатом шлеме и с огромным мечом, а также злюку с болотной ящерицей в клетке – не могли не запомнить. Разыскать их будет несложно!

Гезнур кивнул спутникам и развернул усталого коня.

* * *

Некромант ехал по обочине дороги, взгляд мага скользил по серым окрестностям. Унылый край, но чародею из Черного Круга он был по душе. Рощицы искривленных голых деревьев сменялись заболоченными пустошами. Из-под снега торчали бугорки, увенчанные ржавой прошлогодней травой. Там и сям в отдалении поднимались дымки, отмечая людские поселения. Вокруг них – расчерченные бороздами поля. Снег сошел там, где громоздились гряды отваленной плугом почвы, но сохранился в бороздах. Изредка на холмах маячили серыми громадами замки сеньоров.

По тракту, чуть отставая от всадника в рогатом шлеме, ползла кибитка, обитая облезлым мехом. Двое маги в черных накидках скорчились на облучке, кутаясь под порывами стылого ветра.

Некромант задумался о предстоящей работе с троллиными тушами – нелегкая задача, которая потребует изобретательности и смекалки, подлинный вызов мастерству чародея. Подготовку он уже начал, посадив янтарное «семя» в развороченный загрибок дохлого тролля. Сейчас магический артефакт пускает отростки, овладевает каменным телом. Человека следует обрабатывать свежим, только что умерщвленным, но у троллей процессы разложения идут куда медленней, к тому же холод препятствует тлену – возможно, павших в Анракской битве гигантов удастся поднять.

Маг настолько погрузился в раздумья, что даже прозевал, когда из придорожных зарослей выступили вооруженные оборванцы, преграждая путь кибитке.

– Стойте! – велел предводитель разбойников. – Остановитесь, именем благородного и могущественного сеньора Реддия из Меорна, по землям которого вы проезжаете.

Кибитка замерла. Магики привстали на облучке, один с хрустом размял пальцы, другой вытащил из-под сидения моргенштерн на короткой рукояти. Некромант развернул коня и подъехал к кибитке.

– Прочь! – коротко велел он.

Оборванцы переглянулись, из толпы выдвинулся всадник на тощей лошади, в шлеме, украшенном петушиными перьями, и ржавой кольчуге. Сразу видно – не участвовал в минувших битвах. Кто принял участие в схватках с имперцами, тот нынче щеголяет в хороших доспехах, а этот – шваль, разбойник. И, должно быть, так оголодал да отощал за зиму, что рискует нападать на вооруженный конвой. Некромант вытянул из-за плеча длинный клинок и пустил коня шагом – прямо на преградившую путь толпу. Чародей решил, что даже слова тратить на мерзавцев не стоит.

Вж-жик! – взмах темного лезвия смел с седла благородного и могущественного сеньора. Маршал ткнул пятками в бока лошадь, направляя ее в скопление оборванцев, меч, описав круг, снова обрушился на злодеев. Мертвый предводитель бандитов рухнул на мерзлую землю, грохоча кольчугой. В воздух взлетела отрубленная рука, рассыпая алые капли... Завопил человек, сжимая обрубок, из которого хлестала кровь. Тут только разбойники сообразили, что происходит. Трусливые помчались наутек. Те, кто посмелей, бросились в атаку – и налетели на длинное лезвие, завершающее очередной оборот.

Несколько человек подскочили к кибитке, возница пустил серию магических искр, другой взмахнул могоштерном, стальной шар, соприкоснувшись с каской гевца, вспыхнул зеленоватым пламенем.

Еще двое разбойников крадучись пробрались мимо упряжки и дернули обитую черным дверцу повозки. Первый сунулся внутрь, но Глоада, только того и ждавшая, ударила каблук в лоб – бандит отскочил. Следом за ним из кибитки вылетел Дрендарг, принцесса метко швырнула ящерицу в лицо второго разбойника. «Малыш», распуская на лету шейные складки, впился острыми зубами в нос гевца, Глоада выскочила из кибитки, воинственно размахивая колючей клеткой – но все было кончено. Уцелевшие вояки покойного господина Реддиля разбегались кто куда. Тот, которого принцесса Болотного края ударила сапогом в лицо, отполз на четвереньках, вскочил и бросился следом за товарищами. Глоада сплюнула, подхватила на руки хрипло урчащего Дрендарга, по мордочке которого стекала кровь, и полезла в кибитку. Маршал оглядел побоище, аккуратно сунул меч в петли и пустил коня шагом...

...Когда Гезнур во главе конвоя показался на дороге, разбойник, искусанный ядовитой ящерицей, был еще жив. Он уже ничего не соображал, корчился в замерзающей луже, с хрустом обламывая лед по краям и всплескивая черной водой... Из рта его стекала пена и мешалась с кровью, сочащейся из ран...

Окинув взглядом побоище, король заключил:

– Отлично, мы отстаем от нашего дружка совсем немного!

Глава 7

Альда, Мокрые горы

В рассказе вождя жизнь аршванов представлялась таким буколическим счастьем, идеальным существованием в ладу с природой. Варвары охотились в море, растили детей и свободное время посвящали поискам духовного совершенства – то есть пиршествам, когда ели до отвала и плясали у костра. Если Великий Черный Угван бывал милостив, то еды оказывалось так много, что приблизившиеся к совершенству аршваны объедались и не могли плясать. Когда еды случалось мало, плясали с удвоенным усердием, чтоб умилостивить Великого Черного, дабы послал побольше добычи...

Однако недавно всё изменилось, на аршванов напало соседнее племя скотоводов. Название племени «зенгеды» говорило демону ничуть не больше, чем «аршваны». В Море об этих народцах не было известно ровным счетом ничего, их словно бы не существовало. Почему зенгеды вдруг надумали прогнать аршванов с пустынного берега, неясно. Вряд ли кочевникам скотоводам могли приглянуться земли рыбоедов, однако появилась, значит, некая причина, по которой зенгеды вдруг напали на миролюбивых соседей. Насколько Ингви мог судить – прежде особых конфликтов между племенами не случалось. В рассказе старика зенгеды представляли вовсе не исчадиями гангмарова Проклятия, как если бы война была давней. Когда народы долго сражаются между собой – противная сторона естественным образом превращается в часть фольклора, темную сторону бытия, так сказать.

Однако здесь все было иначе – скотоводы зенгеды никак не входили в описание прежней, идеальной жизни аршванов. Более того, когда вождь устал и его сменил приятель в черном, он даже припомнил, что, хотя зенгеды поклонялись не истинному богу, а Отцу Быков, их шаманы также сражались на стороне Великого Угвана. Ингви понимающе кивнул, имя Гангмару – легион!

Тем не менее, началась война, скотоводы явились на побережье и вознамерились изгнать рыбаков аршванов с исконных земель. Была великая битва, в которой сражались воины и шаманы обоих народов. Зенгеды победили, а разбитые аршваны частью разбрелись кто куда, а частью – пошли в услужение скотоводам.

Ннаонна зевнула и буркнула:

– Скучно!

– Да, – согласился Ингви, – старичок повествует о походах и битвах таким же тоном, каким Мертенк высчитывает расходы казны. – Нет бы, загнул чего-нибудь о неодолимом натиске воинов, бешеной отваге героев, о стремительных ударах и прочем таком... Но послушаем дальше!

Дальше стало еще хуже. Род старика Ранвара, отколовшись от остальных, отступил на север, укрылся в скалах... затем они отыскивали подходящее местечко – там, где ручеек, берущий начало в горах, стекал по узкой долине и впадал в море. На каменистом берегу род обосновался, чтоб попытаться жить по-прежнему... пока не появились рогатые.

– Рогатые? – здесь даже Ннаонна заинтересовалась. – Кто это? Откуда взялись?

Рогатые – то есть, воины в шлемах, украшенных рожками, приплыли на большом длинном корабле, сделанном из многих деревьев. Последнее обстоятельство было удивительно для аршванов, которые плавали в лодках из шкур, а больших деревьев отродясь дотоль не видели, разве что плавник, который приносило морем. Так что большой длинный корабль под широким полосатым парусом оказался в диковинку. Рогатые были очень злыми, побили, кого смогли застать на берегу, так что бедняги аршваны разбежались, бросив скудное имущество и засоленную впрок рыбу. Потом они бродили в горах, мерзли и голодали, удаляясь все дальше и дальше от берега – пока не вышли к поселениям альдийцев.

– Так напугал вас корабль рогатых, что вы всю зиму без оглядки бежали? – спросила Ннаонна.

– Такова была воля Угвана, – развел руками старый шаман. – Все, что творится, все от него! Значит, он и рогатых послал, чтоб нас в путь направить... Да вот здесь, по эту сторону гор, я чувствую дыхание Великого Черного!

Шаман показал свой посох – да, разумеется... здесь маны достаточно, чтобы он мог наконец заниматься волшебством. Теперь старик уверен, что воля божества привела род Ранвара в здешние края.

– Что скажешь, Никир-викинг? – обратился Ингви к начальнику королевской стражи. – Не твои ли прежние дружки приплыли, а?

– Похоже, слышь-ка...

Никлис стал расспрашивать стариков, как выглядел корабль рогатых пришельцев. Большого толку не добился – собеседники не присматривались к рогатым, бежали без оглядки, уж очень страшными показались злодеи. Однако по скудным описаниям было похоже, что к мокрогогорскому побережью принесло корабль северян.

– Это, слышь-ка, твое демонское, – заявил Никлис, – зимовать, значит, морские люди надумали. Дело-то было к осени, холодало уже, старички твердят – первые снегопады начинались. Точно говорю – драккар и ныне там торчит, а как льды отойдут, северные разбойнички его снова на воду спустят и уйдут.

– Вот тебе и способ! – воскликнула оживившаяся вампиресса. – Они нас отвезут к Семи Башням, минуя Энмар!

* * *

Старики аршваны вертели головами, пытаясь угадать, о чем кричат странные собеседники. Настроены они были весьма благодушно. С одной стороны, для нищих оголодавших беглецов подарки, выгруженные из фургонов, оказались великим благом, с другой стороны – доставил сокровища великий герой и защитник! Члены племени рангом пониже, толпились поодаль, почтительно выдерживая расстояние, и также разглядывали пришельцев.

– Да чего тут думать, – гнула свое девушка, – соглашайся быстрее, что ли?!

– Ты так думаешь?.. – Ингви задумчиво поскреб подбородок. – А как же венчание?

– Если поторопимся, как раз к возвращению гонца из Ванетинии появимся дома с золотом. Золото будет очень даже кстати! Ох, и праздник устроим!

Ннаонна уже все продумала. Когда Ингви пустился в путанные рассуждения, что с одной стороны, ему нельзя сейчас бросать королевство, а с другой стороны, когда же и бросать, если не сейчас, во время весенней распутицы – вампиресса выложила решающий козырь:

– Ты как знаешь, а этот вариант – единственный! Другой возможности у нас уж точно не будет! Нет, я не понимаю, чего раздумывать!

– Эх, ладно! Будь по-твоему! – Ингви ухмыльнулся.

– Не по-моему, а по-правильному, – важно поправила Ннаонна. – Значит, так, завтра выступаем...

– Завтра не надо бы, твоя вампирская милость, – встрял Никлис, – я тут с местными переговорил – завтра буря будет к югу от здешних краев, они приметы знают. А если уж зарядит, считай – на неделю.

– Если так, – вынес вердикт король, – отправим гонцов в Альду. Нужно предупредить, что я отправляюсь в заморский поход, не то они опять демона вызывать затеют. За неделю как раз можно обернуться, в столицу и обратно. Кого с собой возьмем? Карикана, думаю, будет не лишним иметь под рукой, он прохвост, но толковый. Тонвера с Дунтом тоже прихватим – все-таки, как-никак, их идея, они про золото эльфов рассказали. Кого еще?

– Хватит, хватит! – замахала рукой Ннаонна. – Ты что, весь королевский двор с собою потащить надумал? Хватит и этих!

– Кари – мужик тертый, бывалый... А ежели Кари с собой потащим, то попов точно надо брать, – рассудительно заметил Никлис. – Я им велел следить друг за дружкой, очень, слышь-ка, удачно получается. Ну и пацаненка, который с Кари, Аньга этого, тоже бы, а?

– А он зачем? – Аньга Ннаонна старалась избегать, девушке было не по душе, что она тоже чувствует окружающую паренька ауру симпатии и притягательности. Вампирессе было бы приятно думать, что она – единственная в своем роде, но чары Великого Пацана действовали на нее не хуже, чем на любую деревенскую дурочку. – Вот уж этого дурашку нам не надо!

– Не скажи, твоя вампирская милость, – стоял на своем начальник стражи, – Кари говорит: парень удачу приносит. Нам удача до зарезу нужна будет.

– Согласен, – кивнул демон, – возьмем и этого. Если придется иметь дело с загадочными чарами, наложенными на Семь Башен, это великовозрастное чудо-дитя может оказаться не лишним.

Тут наконец старики не выдержали и поинтересовались, о чем спорят гости.

– Когда минует буря, – важно ответил Ингви, – я отправлюсь на побережье. Аршваны проводят меня, и я постараюсь отвести рогатых от ваших берегов.

Потом он вспомнил и обернулся к Ннаонне.

– Послушай, что я надумал! Надо будет наекнуть епископу, что в его епархии объявились язычники. Пусть присылает проповедников, дабы несли слово гилфингово.

– Вот уж не думала, – заметила Ннаонна, – что ты настолько привержен истинной вере и столь ревностно следишь за делами Альдийской епархии.

– Да при чем здесь дела епархии! Я думаю только о себе. Видишь ли, у аршванов я не наблюдаю должного уважения к нашим персонам. После обработки гилфинговым словом они, несомненно, станут куда как правильней относиться к демонам и вампирам.

* * *

Ночевать у костров Ингви не решился – путешественники перебрались в ближайший фермерский дом, оттуда в столицу отправили гонцами двух солдат. А наутро в самом деле началась непогода. Сперва повадили снег – огромные пушистые хлопья, их было так много, будто снова пришла зима. Затем поднялся ветер, снег сменился дождем. Мутные потоки хлестали в окна, пузырь, которым были затянуты проемы, гудел, точно бубен. Стены дома, сложенные из толстых бревен, как будто дышали, когда по ним ударяли особенно сильные порывы урагана, пробравшиеся к жилью между горных склонов.

В помещении было темно. Ингви, расположившись за столом, писал. Свеча на столе подрагивала в такт завываниям бури, оранжевый круг смещался по столешнице, тени металась по углам. Семья хозяина убралась на кухню. Не то, чтобы мокрогогорцев смущало пребывание на их ферме короля – таким способом они демонстрировали уважение к гостю, дескать они понимают, какие важные дела бывают у его величества и изо всех сил стараются не помешать.

Солдаты спали, пользуясь случаем. Никлис пошел поболтать с хозяином... Зато Ннаонне было скучно. Она слонялась по комнате, заглядывала в темные углы, пыталась рассмотреть хоть что-то сквозь мутное окошко, но видела разве что потоки дождевой воды, стекающей по стенам.

– Что пишешь? – поинтересовалась девушка, подсаживаясь к столу.

– Да всякое, – пробурчал Ингви, старательно покрывая клочки пергамента убогими строками. – Мертенку в основном распоряжения. Эх, столько всего в голове скопилось, думал, сам буду помаленьку разгребать... Знаешь, думал как: вот придет весна, займусь тем, займусь этим... Ничего, зато канцлеру скучать не придется.

Ингви снова углубился в писанину.

– А теперь чего пишешь?.. – протянула вампиресса, водя пальцем по колеблющейся поверхности пузыря.

– А теперь – графьям. Чтобы не расслаблялись в мое отсутствие. Фильку инструктирую, пусть своим в головы вбивает серьезность.

– Как это?

– Честно говоря, не представляю. Ну, может, они сядут в кружок и попросят Мать Гунгиллу, чтоб серьезности ниспослала хоть чуточку... Кроме великой богини, наверное, никому не под силу подобное чудо сотворить... Ну а Кендагу – дела посерьезней. Гонзорскую границу держать. Эх, как же они без меня-то?...

– Ничего! Справятся.

Ннаонне было по-прежнему скучно. Она стала водить пальцем по подоконнику, вытягивая просочившиеся внутрь капли в замысловатый узор.

– Я тоже думаю, что справятся... – вздохнул Ингви. – Но все же как-то... По-моему, светлей стало, нет?

Ннаонна снова взгляделась в мутную пелену.

– Нет, показалось. Точно – неделю будет лить теперь!

Непогода длилась пять дней. Ветер волок тучи, рвал в клочья о скалистые пики, швырял с размаху на покатые склоны невысоких гор... Тучи разбивались от этих ударов, стекали селевыми потоками в долины. Звонкие прозрачные ручейки, которые бойко журчали в расселинах, теперь обратились в грозно ревущие потоки... Между тем, к северу от Мокрых гор как ни в чем не бывало светило солнышко, тихо сходили снега, весна вступала в свои права.

На седьмой день ожидание закончилось – прибыл конвой из Альды. Карикан лукаво улыбался и непрерывно шутил – похоже, волновался. Аньг блаженно жмурился под солнечными лучами, он как обычно был всем доволен и ничему не удивлялся. Тонвер с Дунтом держались скромненько, как и подобает смиренным слугам Гилфинга Пресветлого... Пестрая компания!

Как раз и в Мокрых горах стало тихо, схлынули воды. Можно было выступать в поход.

Глава 8

Ванетиния

К концу марта, когда снег еще не сошел, и повсюду звенели и пели талые воды, в Ванетинию начали прибывать тильские сеньоры. Призывы им разослали заблаговременно – от имени юного герцога Тегвина III, который был «удостоен чести» провести зиму в столице империи – иными словами, оставался заложником. Паренек тихо жил в дальнем крыле Валлахала, под неустанным наблюдением. Большую часть слуг при нем составляли ванетцы. Молодой господин всех их считал шпионами – и, разумеется, ошибался. Шпионов среди прислуги было не так уж и много – едва ли полдюжины среди двух десятков человек, приставленных к «почетному гостю» императором. Впрочем, герцог относился с равной ненавистью ко всем ванетцам, так что и те, кто не состоял на жалованье в качестве осведомителя, настолько прониклись к тильскому сеньору антипатией, что были готовы донести на парня при малейшем намеке на бунт.

В январе герцогу велели отдать приказ вассалам: к началу весны двигаться с Ванетинию для участия в походе – и вот они начали являться в столицу. Усталые, злые, на изнуренных лошадях, покрытых пятнами засохшей грязи. Дворян и их латников размещали в опустевших казармах гвардии, за стенами Валлахала. Радости столичной жизни оказались для них недоступны, ибо за зиму цены поднялись, а мятежная провинция была разорена контрибуциями, так что денег у сеньоров было в обрез. Тильцы сидели в отведенных им казармах и злились. Когда прибывали новички, им мигом разъясняли ситуацию те, кто прибыл днем или двумя раньше и уже успел оценить, насколько скверно обстоят дела.

Едва переодевшись в чистое платье, вновь прибывшие тильские господа шли к юному сеньору и первым делом сердито жаловались. Они не успели отдохнуть и залечить раны после осеннего похода в «мокрое королевство», их поместья разорены, дела приходят в упадок без присмотра... Они, вассалы, обязаны служить в дальнем походе сорок дней в году, таков обычай! Нынче же их призвали ранней весной – явно не для того, чтобы распустить по домам еще до прихода лета, да и год ведь не миновал после предыдущей кампании! В раздражении господа попрекали герцога – он, дескать, совсем не заботится о правах верных вассалов...

Тегвин выслушивал упреки, краснел, тискал рукоять кинжала, привешенного к поясу... в ответ жаловался на произвол императора – что он, герцог, может поделать? Он сам здесь, в Валлахале, словно пленник. Алекиану, разумеется, доносили о крамольных разговорах – император удовлетворенно кивал и не выказывал ни гнева, ни раздражения. Он прекрасно понимал, что Тегвин стал ему вечным врагом, но это императора не беспокоило. Он не нуждался в друзьях, и ему было абсолютно неважно, служат ему из страха или из искренней преданности. Лишь бы служили.

В конце концов, подзуживаемый вассалами, герцог потребовал аудиенции у его императорского величества, чтобы принести жалобы. Алекиан соизволил предоставить юноше «малый прием», то есть просто принял его, сидя за столом и разбирая бумаги. Рядом стояли секретари – большей частью клирики. Поочередно подавали бумаги императору, Алекиан просматривал и прикладывал печать, иногда (если требовалось) ставил подпись. Коклос с важным видом расхаживал позади и делал вид, что погружен в раздумья. Во всяком случае, время от времени карлик тяжело вздыхал, закатывал глаза и картинно прикладывал ладонь к наморщенному лбу.

– Итак, мы слушаем, сэр Тегвин, – буркнул император. – Как видите, мы решили дать вам аудиенцию незамедлительно, едва вы попросили о встрече. Надеюсь, дела разрешатся быстро. Что у вас?

Немаловажный нюанс – Тегвину не предложили сесть. С одной стороны, император намекнул на спешку, с другой стороны – ничто не мешало побеседовать точно так же быстро, но если бы герцог сидел, а не стоял.

– Ваше императорское величество, – ломающимся голосом заговорил тилец. – Мои вассалы недовольны. Они жалуются мне, что их призвали в поход с нарушением всех оговоренных обычаем сроков! И они правы! К тому же, никто не верит, что по истечении сорока дней им будет позволено возвратиться...

– Империя переживает тяжелые времена, – Алекиан отложил очередной документ и поднял голову. – Ради всеобщего блага нам всем приходится идти на жертвы. Объясните это своим вассалам, если они настолько недогадливы.

– Если они настолько недогадливы, что не испытывают радости от имперского кнута, – вставил Полгнома, – то мы с братцем обучим их радоваться топору имперского палача! Объясните им, дружок, что кнут все же предпочтительней!

Алекиан снова уткнулся в документы. Минуту царила тишина, затем император, не поднимая головы, произнес:

– Коклос, мы не желали бы, чтобы наши слова были истолкованы *насколько* точно.

– Но ведь я истолковал точно, да? – шут привстал на цыпочки, скорчил смешную гримасу и подмигнул Тегвину.

– Да, – тем же ровным бесцветным голосом подтвердил император, – Сэр Тегвин, это все? Если так, мы не станем вас долее задерживать. Объясните вассалам, что империю следует защищать, не считаясь со старыми обычаями. Но было бы хорошо, если вы подыщите другие формулировки, не такие откровенные, какие к лицу разве что моему дурню Коклосу. Вы ведь не дурак, верно? Умные люди всегда найдут более подходящие слова.

* * *

Герцогу достало мужества еще раз спросить: «Другого ответа не будет, ваше императорское величество?» Когда дверь за ним закрылась, и гвардейцы в коридоре с лязгом опустили на пол алебарды после салюта, Коклос заметил:

– Очень смелый мальчик. Ни дать, ни взять – ты в его годах.

Алекиан не ответил, углубился в очередной документ.

– Я говорю, – не отставал Полгнома, – такой же наивный идеалист. Но теперь-то ты стал другим, верно? И ведешь Империю новым курсом? Смотри, братец, нас воспитывали в добром старом духе, а ты, обращаясь с вассалами, как с малюткой Тегвином, взрастишь поколение прагматиков.

Император отложил бумагу, не подписав, и заметил клирику, секретарю епископа Фенокса: «Мы полагаем, здесь нужно будет увеличить финансирование, этой суммы недостаточно. Пусть его священство проверит снова». Затем, обернувшись к шуту, бросил:

– И что с того? Новому времени – новое поколение.

– А то, что прагматикам ни к чему империя. Она непрактична.

– Ты заблуждаешься, – коротко отозвался Алекиан.

– Пояснишь?

– Дело привычки. Если новое поколение привыкнет, что живет в империи, и не будет знать иного устройства Мира – молодежь не станет искать иного для себя. Хороша империя или плоха, но если не будет иных вариантов – империя окажется незыблема.

Коклос, до сих пор разгуливавший по комнате, живо подскочил к столу и спросил:

– А вывод? Братец, какой вывод?

– Очень простой. В Мире не должно остаться ничего, не входящего в Империю. Мир станет Империей, Империя станет Миром. – Алекиана не смущало присутствие секретарей, он

говорил уверенно и спокойно. – Отец этого мальчика прячется от нашего гнева в Энмаре, граф Ирс – в Сантлаке. Мы уж не говорим о предателе Гратидиане, который укрылся за гномьими спинами.

– Да он просто карлик! Спрятался за гномами! – всплеснул ладошками Коклос. – То ли дело мы с тобой, мы-то прячемся не за гномьими, а за поповскими спинами! Мы просто гиганты!

Алекиан не ответил, он уже просматривал новый пергамент, предложенный клириком из канцелярии Фенокса. Коклос с минуту ждал, что император продолжит, потом махнул рукой и продолжил хождение взад и вперед. Он бормотал:

– Да, да, я понимаю, конечно... если бы Энмар подчинялся Ванетинии, герцог Фенгим не укрылся бы там. Если бы гномы служили императору, Гратидиан не понадеялся бы на их поддержку и не стал бунтовщиком. Пожалуй, мысль здравая... Если держать человека с юных лет во мраке, он не станет стремиться к свету, поскольку не будет знать, что свет существует в Мире. Рассуждая логично, этот тезис можно усовершенствовать – если убивать всех во младенчестве, то уж точно никто не будет стремиться к свету. Да, непременно так! Убивать во младенчестве! Ибо если воспитанный во мраке однажды узреет луч света, хотя бы тоненький лучик – то он возненавидит мрак. Слышишь, братец? Что скажешь о моей идее? Давай издадим указ – перебить всех подданных Империи, дабы некому было бунтовать?.. Что скажешь?.. Молчишь?.. Да слышал ли ты меня?

– Коклос, мы тебя слышали. Нам понравился ход твоей мысли...

– Ай! Я не хотел!

– Ничего. Однако нам хотелось бы заметить, что в твои рассуждения вкралась ошибка. Империя – это не тьма, а свет. Мы желаем взрастить поколение, которому будет чужда тьма, и потому даем подданным света в избытке.

– Да? Ну, пойду, укроюсь в тени. Там, по крайней мере, я сберегу свое умение видеть и способность отличать черное от белого. Если, братец, пользоваться твоей метафорой – ты взрастишь поколение слепцов.

Карлик гордо выпрямился и, старательно изображая оскорбленную премудрость (насколько вообще возможно изображать подобные материи крошечной спиной), направился к выходу. Однако едва он приблизился к двери, раздался стук – и карлику пришлось посторониться, чтобы входящий не зашиб его.

– И тут не повезло! – злобно прошипел Полгнома, проскальзывая мимо шагающего через порог сэра Войса.

* * *

В коридоре карлик остановился, тщательно оглядел гвардейцев, застывших по обе стороны входа. Показал одному язык, другому кивнул и дружески улыбнулся – ни для чего, просто чтобы вояки поломали свои отягощенные касками головы, почему сэру Коклосу было угодно поступить именно так. Без подобных выходок жизнь стала бы слишком пресной!

Солдаты удивленно переглянулись. Полгнома, удовлетворенно улыбаясь, зашагал прочь. Ненадолго настроение было поправлено, но затем шут припомнил размолвку с Алекианом и снова загрузил. По привычке обращаясь к себе вслух, Коклос стал причитать:

– Зачем я завожу эти разговоры? Надеюсь пробудить дремлющий разум? Да, сперва я так и думал, что разум его дремлет... но нет, братец по-своему вполне рассудителен. Только в его голове все странным образом перевернуто, он потерял чувство цвета. Верней, чувство света. Путает светлое и темное. Да, в этом-то дело! Именно в этом! Возможно, умение отличить черное от белого и называется душой, я не священник и не чародей, так что не собираюсь судить о душах... но я, кажется, знаю, какое подлое колдовство похитило душу брата!

Шут остановился и положил руку на гобелен, драпирующий стену. Потом убрал ладонь и снова заговорил, обсуждая с собой новые мысли:

– Гиптис сказал, что это не магия. Не магия! Ха! Называй как хочешь, стручок зеленый, а это точно некий род колдовства. Беда только, сам я в магии не силен... Но уж простые-то средства всегда сыщутся. Хорошо, что сестрица согласна со мной. Итак...

Полгнома снова взялся за гобелен и потянул в сторону – здесь был скрыт вход в потайную галерею.

– Стоп! – скомандовал себе карлик. – А чего я, собственно, жду? Разве весь разговор братца с Войсом не известен мне наперед? Не хочу за ними глядеть, сами справятся. Вот сейчас, небось, братец дает приказ: отправляйся, старина Войс, в Эгенель, туда сходитесь сброд со всего западного Ванета, все подонки и мерзавцы, какие только сыскались в хозяйстве наших верных графов и сенешалей, кого не жалко оказалось послать на убой. Их там сотен пять-шесть, и вооружены они, разве что, погаными дубинами, но едва этот сброд заслышит прекрасную проповедь остолопа Когера – они чудесным образом преобразятся в великолепных рыцарей, ни дать, ни взять, Авейны с Гвениадорами... Так что не нужно заботиться о таких мелочах, как вооружение и дисциплина.

Полгнома отдернул руку, позволяя ветхой ткани возвратиться на место, и снова укрыть едва заметные щели в облицовке стены.

– Не пойду на них смотреть, вот и весь сказ! Отправлюсь-ка лучше дрыхнуть. Перед походом мне надо набраться сил. Единственный подвиг, который случится в сантлакском походе, предстоит совершить мне, так что отважному герою нужно отдохнуть.

Именно в эту минуту Алекиан, наставляя сэра Войса, монотонно бубнил:

– Да, сэр. Никакой пощады лодырям и растяпам. У вас будет не больше месяца, чтобы сделать из этого сброда войско.

– Но, прошу прощения...

– Не говорите ничего, сэр. Не говорите, что это невозможно. Скажем так: это может случиться только чудом. Устраивает вас такая формулировка? Так вот, именно чудо и произойдет... если нам доведется вступить в сражение. Однако я надеюсь, что сражения не будет, и Сантлак достанется нам без боя Гилфинговой милостью. Если же все-таки будет битва, эти люди, предоставленные нам графами Ванета, должны будут не разбежаться до того, как протрубят трубы. Вколотите в них хотя бы столько отваги, чтобы не сбежали прежде, чем будет подан сигнал к атаке. Остальное – в руках Светлого. Сейчас там, в Эгенеле, заправляет делами некий Канлей, викарий. Он передаст вам дела и останется, чтобы оказывать помощь. Ступайте, сэр. Нам желательно, чтобы вы завтра с рассветом отправились в Эгенель. Мы доверяем вам и ждем, что это доверие будет оправдано.

Рыцарь поклонился и вышел вон, с тоской размышляя, что снова не удалось отдохнуть и наведаться в собственное поместье. Доверие – это, конечно, лестно... Но милости его императорского величества дорого обходятся верным слугам.

Глава 9

Гева, город Ренприст

Есть в Море места, где веками ничего не меняется – по крайней мере, с виду. Разумеется, таких местечек немного, ибо ничто не вечно под луной... Как бы люди ни стремились к постоянству, как бы ни цеплялись за старые привычки и вещи, но все, в конечном счете, подвержено изменениям... тем более ценными кажутся островки постоянства в изменчивом Море. Одним из таких островков является заведение «Очень старый солдат» в городке Ренприст.

Не меньше сотни лет этому зданию – чересчур огромному для маленького городка. Такое большое сооружение не смогло бы устоять не то, что веками – и года не удержалось бы без магических ухищрений. Вход украшает вывеска, на которой изображен скелет в полном пехотном доспехе. Колдуны, состоящие на службе в вольных отрядах, не только поддерживают заклинаниями прочность постройки, они и развлекаются здесь. Неизменно находится шутник, украшающий глазницы скелета на вывеске алыми огнями, пылающими ночью, словно два уголька... Еще маги-наемники знамениты турнирами, состязаниями в волшебном искусстве, которые они устраивают, когда отдыхают между походами. Магией трудно удивить кого-либо в Ренпристе. Но когда маршал некромант шагнул под знаменитые своды – здание словно вздохнуло, ощутив явление чужого, незнакомого... Хлопнула, затворяясь, дверь – пронесся холодный ветерок, напоминающий о минувшей зиме, снегах и морозах.

Управляющий «Очень старого солдата» мастер Энгер поднял голову и оглядел пришельцев – массивного воина в рогатом шлеме, вооруженного чудовищным двуручным мечом и тощую девушку, прижимающую к костлявому боку клетку с невиданной ящерицей.

Крепкие парни, подручные управляющего, встали, приветствуя гостей. Энгер, одноногий инвалид, отмеченный и другими увечьями, приподнялся, опершись о столешницу. С поклоном осведомился:

– Чем могу быть полезен почтенным гостям «Очень старого солдата»? Желаете поступить на службу? Или, напротив, ищите солдат?

– Мне нужны люди, – коротко отрезал некромант.

Энгер опустился на стул.

– Как много людей, позвольте узнать? Мое любопытство направлено лишь к вашей пользе. Если вы скажете, не указывая, разумеется, подробностей, какого рода службу собираетесь предложить – я постараюсь помочь вам подобрать нужных людей.

Начало весны – не слишком сытая пора для постояльцев «Очень старого солдата». Обычно в это время года с наймом туго, и в большом зале множество бойцов, предлагающих свои услуги. Но нынче крутые деньки, лучшие наемники провели зиму на королевской службе, да и впредь не останутся без дела. В большом зале сейчас в основном новички, управляющей их не знал и не мог оказать большой помощи в выборе бойцов. Но его весьма заинтересовал наниматель, он надеялся услышать подробности.

– Мне нужны хорошие воины, – буркнул некромант, так и не снявший, к удивлению Энгера, глухого шлема. – Цена не так важна, я богат. Как можно больше хороших дисциплинированных солдат.

Управляющий тяжело вздохнул. Его помощники переглянулись.

– Увы, мастер... или, прошу прощения, сэр?.. – Энгер выдержал паузу, чтобы пришелец назвал титул. Тот безмолвствовал, и это не понравилось калеке. – Так вот, нынче хорошие воины легко находят найм. Желających в зале довольно много... но не могу поручиться, что они хороши. К тому же это большей частью одиночки, так что и с дисциплиной у них тоже... Давайте сделаем так, вы займете место на балконе нанимателей, осмотрите заведение... Ручаюсь, его стоит осмотреть... Поужинаете, поглядите на людей внизу. Через час я пришлю чело-

века, он обсудит с вами дела, подскажет, что известно о солдатах, которых вы приметите в большом зале.

Один из помощников Энгера подошел к двери, ведущей на лестницу – он был готов проводить нанимателей к столу и принять заказ.

Маршал стащил наконец рогатый шлем. Оттянул ворот подшлемника, охватывающего голову, и исчезающего под тускло блестящими шейными латами.

– Вообще-то я спешу, – буркнул он.

– А пожрать бы не мешало, – впервые подала голос спутница чародея. – Малыш проголодался, да и у меня живот подвело. Вели подать еды, в самом деле! Поглядим на этот знаменитый кабак, один-то вечер мы можем себе позволить?

– С балкона нанимателей вам будет хорошо видно, – вставил управляющий. – Он верхний.

– Ладно. В самом деле, поглядим... – кивнул маршал.

– Поглядим, – подхватила болотница. – Может, я даже плюну сверху раз-другой...

* * *

Помощник управляющего пригласил гостей следовать за ним. Прислуга, изо всех сил притворяясь равнодушной, провожала странную парочку любопытными взглядами. Их, обитателей «Очень старого солдата», сложно было удивить, в этих стенах они насмотрелись на самых экзотических посетителей, но нынешние гости пробудили любопытство даже в них.

Когда шаги пришельцев на лестнице стихли, Энгер велел помощнику пригласить чародея Ролоха Белого. Старик, который прослужил около сорока лет отрядным колдуном, теперь вышел на покой и за небольшую плату присматривал за порядком в «Очень старом солдате». Ролох был известен, его магическое искусство и огромный опыт внушали уважение к ветерану. Теперь он коротал дни у камина в большом зале среди сержантов и являлся чем-то в качестве вроде талисмана – к нему привыкли как к неперемнной части ренпристской жизни; пожалуй, все нынешние наемники явились искать службы под сводами «Очень старого солдата», когда Ролох уже ходил с отрядом.

Огромный старик, в белом и с длинной седой бородой, которой мог бы позавидовать гном, вышел из зала и остановился перед столом Энгера, опершись на длинный посох.

– Послушай, старина, – обратился к нему управляющий, – только что сюда вошел человек...

– Я почуял его появление, – кивнул маг. – Пламя в камине замерло на миг, когда он вошел.

– Это правда? Ты не преувеличиваешь?

– Конечно, я выразился фигурально. Но холодом в самом деле потянуло. Он очень умелый маг, этот пришелец. И довольно силен. Ищет найма?

– Нет, нанимает сам. Если он силен, ты, должно быть, что-то слышал о нем. Кто это?

– Не знаю, не знаю... то, что я почуял, ни на что знакомое не походит. Как он выглядит?

– Ростом почти с тебя, широкий и грузный, похоже...

– Похоже?

– Его не разглядеть, он так и не снял ни подшлемника. В тяжелых доспехах, но движется легко. Вооружен двуручным мечом.

– Не знаю о таком. Но буду глядеть в оба, пока он здесь.

– Именно об этом я собирался тебя попросить.

Маршал с принцессой расположились за столом, откуда хорошо был виден зал внизу. Глоада велела «тащить жратву», некромант уточнил, что предпочитает мясные блюда, и, разумеется, пусть принесут вина.

Заказ был доставлен с похвальной расторопностью – еще бы, гости из Вейтреля были нынче единственными, кто занял верхний балкон. Ранняя весна – неподходящее время для найма. Маршал бросил человеку, который принес ужин, несколько монет и принялся за еду.

– Не угодно ли господам?.. – начал было слуга.

– Пшел! – коротко отозвалась Глоада. – Сами разберемся.

Слуга неуверенно попятился. Некромант проглотил огромный кусок мяса, который сорвал с кости, запил вином и буркнул:

– Этот, внизу, сказал – через час. Вот и придешь через час.

Произнеся эту, слишком длинную для него, речь, чародей уткнулся в говядину. Принцесса ела, как всегда, медленно, не забывая подкармливать Дрендарга. Здесь, в новом месте, она не решилась выпустить «малыша» из клетки, так что животное недовольно ворочалось в тесноте. Утолив голод, девушка спросила:

– Ты смотрел вниз? Что скажешь?

– Шваль.

Глоада сплюнула на пол, жалея, что сидит далеко от края помоста, и сказала:

– Вот гадство, и здесь соврали. Зачем люди постоянно врут? Мне рассказывали, что в «Очень старом солдате» собираются отличные воины, и что к началу весны они сидят на мели и готовы принять любой найм.

– Отличных я видел осенью, когда мы сражались с императором... Их здесь нет.

– А?..

– Гезнур нанял их на королевскую службу. Здесь только сброд.

Глоада привстала, чтобы осмотреть публику внизу. Потом пожала плечами.

– Не знаю, как ты их различаешь... Значит, там только плохие воины?

– Да.

– Гангмар дери... Это осложняет задачу?

– Напротив, облегчает – не придется выбирать. Если они все одинаково плохи – возьму первых попавшихся.

– Возьми больших и толстых, – посоветовала болотница. – Таким уж точно сыщется применение.

– Отличная мысль. Если я не смогу сделать их хорошими солдатами до того, как издохнут, сделаю после.

* * *

Часом позже явился помощник Энгера.

– Итак, почтенные господа, сделан ли ваш выбор? Могу ли я быть чем-либо полезен при заключении сделки?

– Чем полезен? – буркнула Глоада. – Этим мерзавцам достаточно показать монету – и дело сладится, разве не так?

Слуга пожал плечами.

– Истинно так, моя прекрасная госпожа. Достаточно показать монету. Однако, бывает, гости не желают показываться в большом зале, тогда мы берем на себя обязанности посредников. Или, бывает также, гостям угодно послушать истории из жизни завсегдатаев...

– Довольно! – перебил маг. – Завтра с рассветом мы выступаем. Значит, сейчас я иду в зал, потом – нам потребуется комната.

Слуга поклонился, тщательно скрывая недовольство. Работники этого заведения гордились своим местом, и отказ послушать байки – был обиден.

– Приятно видеть деловой подход, – сухо произнес мужчина, – следуйте за мной.

По другой, внутренней, лестнице некромант с Глоадой спустились в зал, минуя холл, где находился стол Энгера. Едва заказчики показались внизу, все тут же уставилось в их сторону. Солдатам, разумеется, объявили, что на балконе заказчиков появились посетители – нечастое событие в это время года, так что вояки не расходились, хотя час был достаточно поздний. Нынешние постояльцы все, как один, поиздержались, кое-кто уже получил в заведении кредит. Они нуждались в найме.

Некромант двинулся между столов. Он не знал, с чего начать и чувствовал себя несколько неловко, давно уже ему не приходилось чувствовать себя новичком и пришельцем. Где бы ни появлялся чародей, он неизменно оказывался в положении хозяина – а здесь нет, здесь он не обладал должным статусом... Колдун обернулся к слуге и спросил:

– Как у вас заключают сделки?

– Я предупреждал: гости частенько предпочитают действовать через посредников... Но если желаете самостоятельно, то сейчас я объявлю, что открыт найм, а вы можете занять стол вон там, у стены, и принимать желающих по одному. Обычно они сами подходят, даже спорят, кто будет первым.

Некромант кивнул.

Служащий громким голосом воззвал:

– Почтенные мастера! Объявляется найм! Вот этот господин набирает людей. Кто желает получить службу, обращайтесь к нему.

Пока маг с девушкой шли по залу, разговоры стихали, солдаты оборачивались поглядеть на странную пару. Принцесса обеими руками осторожно несла клетку, стараясь не слишком раскачивать – ее любимец задремал. После объявления снова начались разговоры, но негромкие – наемники вполголоса делились впечатлениями. Некромант с Глоадой двинулись в угол, где, как указал помощник Энгера, надлежит принимать добровольцев. Наиболее нетерпеливые постояльцы «Очень старого солдата» уже двинулись следом за нанимателем, чтобы оказаться первыми в очереди... Тут кто-то громко крикнул:

– Это некромант! Я видел его под Анраком! Парни, он сделает из нас ходячих покойников!

Крик подхватили, солдаты угрожающе сдвинулись вокруг некроманта. Глоада снова сплюнула и взялась за дверцу клетки, в которой уже беспокойно завозился Дрендарг, разбуженный гомоном. Некромант выступил, заслоня девушку, пинком отшвырнул попавшиеся под ногу стул и положил ладонь на рукоять меча.

– Стойте, мои добрый мастера! Остерегитесь действовать опрометчиво, ибо этот господин умеет делать не только ходячих, но и лежащих покойников! – веселый зычный голос перекрыл нарождающийся шум.

Солдаты остановились, узнав голос любимого короля. В дверях, широко улыбаясь, стоял Гезнур.

Глава 10

Альда, Мокрые горы

Проводниками Ранвар назначил двоих пожилых соплеменников. Молодежи среди аршванов почти не осталось, и Ингви полагал, что старик вождь не решается рисковать наиболее ценными для рода юношами. Вот и отрядил проводить пришельцев тех, кто не так уж важен. С другой стороны, можно было понимать и таким образом, что Ранвар шлет опытных проводников, а не молокососов... Впрочем, Ингви не ломал себе голову над этим вопросом – какая разница? И вообще, вопросы в этом походе задавал Никлис. Обычно его речи – с теми или иными вариациями – сводились к следующему:

– Эх, и понес нас Темный в такую даль... Жили бы себе спокойно во дворце, по-королевски, как подобает демонскому величеству...

Ингви обычно помалкивал (тем более что поначалу казалось, будто спутник в занудстве сильно уступает канцлеру Мертенку), но на второй день пути Никлис так надоед, что демон приказал ему заткнуться.

– Эх, не любит твое демонское правду, слышь-ка, из уст простого подданного слушать, – горько пожаловался Никлис.

– Простого? По-моему, ты начальник королевской стражи, а не простой подданный. Или ты желаешь, чтобы мы это исправили?

– Да какой я начальник без стражи?

В самом деле, какой? Ингви подумал и осторожно предположил:

– Трезвый?

Никлис испустил долгий вздох, исполненный невыразимой тоски. Разумеется, он покривил душой, так как оба его подручных участвовали в походе. Могло бы показаться странным, что Карикан, обычно разбитной и говорливый, теперь помалкивает. Демон понимал так, что бродяга боится спугнуть удачу. Он давно упрашивал отправить его из Альхеллы с каким-нибудь поручением, пусть даже самым рискованным и сложным. И вот – Карикан снова в странствиях. Однако он все еще одиночка среди слуг альдийского короля, здесь ему никто не симпатизирует. Даже Аньг... да Аньг вовсе не в счет, его будто и нет здесь, мычли его далеко... Так что Кари предпочитает молчать и не напоминать о себе, лишь бы Ингви не изменил решения.

Удивительней всего, что помалкивала Ннаонна. Вся ее болтливость улетучилась, едва они ушли прочь от жилья. Девушка стала собранной, внимательной, настороженной. Ингви с удивлением наблюдал, как она втягивает воздух, подняв голову – будто ловит запахи... Эльфийская кровь пробудилась?..

Тонвер с Дунтом также держались скромненько. Хотя они были привычны ко всяким передрягам, но в горах чувствовали себя неловко, им было непривычна дикая местность. Каждый вечер, перед тем, как отойти ко сну, монахи истово молились, опустившись на колени.

Как-то Карикан, ухмыляясь, спросил:

– А что, отцы, вы всегда так устав соблюдаете? Сдается мне, в Альхелле ни разу вечернюю молитву не прочли, а?

– В Альхелле я к этому времени бывал пьян, – кротко пояснил Тонвер, – а здесь вина нам не дают... приходится употреблять святое слово. Прочел «Гилфинг, отчет» трижды кряду, и в голове шумит, будто пьян в телегу. Так заповедал блаженный Энтуагл нам, сирым – восполнять духовной пищей недостаток пищи телесной.

– Я бы предпочел вина, – возразил Кари.

– Я бы тоже. Но вина нет.

Путники шагали, держась пологих склонов, потому что на дне ущелий журчали ручейки, потоки талой воды скрывались ямы, топкие участки, коварные трещины. Так что вниз спускаться не следовало.

Старики аршваны вели из долины в долину, выбирая удобные перевалы через омытые дождем гряды скал. В самом деле, местность они худо-бедно узнавали. Иногда варвары оставались, совещались, тыкая пальцами в приметные скалы или причудливо искривленные деревья, отыскивали знакомые приметы. Здесь они брели зимой, увязая в глубоком мягком снегу, ночевали в пещерах, тревожно прислушиваясь к реву ветра наверху, в скалах. В этих же пещерах и сейчас они устраивали ночевки, разводя огонь в старых кострищах.

Проводники вели без спешки, очередной переход назначали, только окончательно удостоверившись, что выбрали верное направление. На третий день Ингви сообразил: аршваны идут от могилы к могиле. Пирамидальные груды камней отмечали места, где нашли последний приют единоплеменники стариков. Им, жителям побережья пришлось платить дорогую цену за опыт выживания среди скал. Впрочем, старики не слишком переживали, проходя мимо могил. Не в обычае аршванов было сожалеть о невозвратном. Куда больше этих варваров занимало будущее – им объяснили, что они ведут защитника Великого Черного Угвана, чтобы тот прогнал морских разбойников из бухты, которую род Ранвара облюбовал после бегства от зенгедов. Ингви не разубеждал спутников, он был уверен, что морские разбойники не станут задерживаться в пустынном краю дольше, чем вынудит погода. По опыту зимовки на островах северян он полагал, что как раз сейчас подходящее время готовить драккар к плаванию. Так что рано или поздно, с его участием или нет – а викинги уберутся из бухты. Стало быть, он всегда сможет приписать себе успех. Хотя планы, вообще-то, были несколько иные...

Погода благоприятствовала странствию. Дождей больше не было, дни стояли солнечные, ясные, что нечасто случается в Мокрых горах – доброе предзнаменование. По ночам, правда, было холодно, и наутро по берегам ручьев появлялся тоненький ледок. Но едва вставало солнце, как тут же становилось теплей, весна вступала в свои права. На шестой день пути старики объявили – уже показалась гряда, за которой будет видать море. Странники уже сейчас подходят к долине, по которой течет речушка, с берегов которой аршванов прогнали рогатые.

* * *

Проводники подозвали Ингви (поскольку он лучше других понимал их речь) с принялись подробно описывать маршрут. Нужды в этом не было, поскольку дальнейший путь казался очевидным – вдоль ручья, который хорошо было видеть со склона.

Ннаонна, которая тоже сообразила, о чем речь, поинтересовалась:

– Чего это деды так разговорились?

– Дальше не пойдут, – пояснил Ингви, – побоятся. Там же, за горой, уже берег, а на берегу – северяне.

– А мы пойдем? – робко поинтересовался Дунт.

– Конечно, – вздохнула Ннаонна. – Мы морских разбойников не боимся.

– Удивительно отважная дама, – ткнул приятеля локтем Тонвер, – не боится морских разбойников.

– Если бы я боялась морских разбойников, в зеркало бы не смогла глядеть, – отрезала вампиресса. – Ну, так мы идем или что?

– Чудны дела твои, о Гилфинг Светлый... – протянул Тонвер.

– В самом деле, нужно идти, – согласился Ингви и двинулся вниз по склону, к ручью, журчащему на дне долины.

Спускаться к воде по-прежнему было рискованно, поток был слишком бурным. Сюда, в эту долину, стекала вода с окрестных гор, так что весной ручей обращался в ревущую мутную

реку. Путники двинулись по пологому скату среди невысоких искривленных деревьев. Здесь уже чувствовалась близость моря – вдоль ущелья дул ветер, солнце скрылось за серой дымкой – те самые испарения, несущие дождь, которым Мокрые горы были обязаны своим названием.

С перевала открылся вид на бескрайний простор – до самого горизонта морщилось под свежим соленым ветром зеленоватое море, тянулись и тянулись волны, равномерной чередой набегали на серую гальку, разбивались о выступающие далеко справа и слева скалы. Ручей, прорывший за века дорогу в скалах, сбегал в небольшой залив. Бурая грязная вода, бегущая с гор после бури, выделялась в зеленом море. Течение было таким сильным, что серо-коричневый поток не терялся в океане еще очень долго...

На берегу, у самого берега взбухшего по весне потока, расположилось продолговатое темное сооружение – северяне вытащили драккар из моря, укрыли шкурами и ветвями. Подле стояли шатры – не такие, как у аршванов, намного больше. Рядом с кораблем по берегу разгуливали люди – с перевала они казались крошечными.

Морские разбойники, должно быть, чувствовали себя в безопасности на пустынном берегу. Оружия при них не было, насколько удалось разглядеть. Да и то сказать – какая же беда могла им грозить в таком захолустье? Рыбаки аршваны в ужасе сбежали несколько месяцев назад, от здешнего побережья до морских торговых путей далеко. Беспечность северян казалась вполне объяснимой.

– Ну что, идем? – ни к кому не обращаясь, бросил Ингви.

Все молчали, никто не двинулся с места. Пока шагали через горы и ущелья, все было ясно – нужно выйти к морю. А теперь что? Просто так явиться на глаза страшным морским разбойникам? И что будет? Интересный вопрос.

– Я думаю, можно спуститься во-он там, там склон пологий, – предложил Кари. И махнул рукой куда-то далеко.

– Склон здесь везде одинаково пологий, насколько я вижу, – заметил Ингви. – Но мысль верная, к побережью пойдем медленно и осторожно.

– Но ведь в стороне спустимся, не прямо здесь?

– Да, конечно. – Ингви пожал плечами. – Спустимся в стороне, приглядимся. Я, честно сказать, пока не знаю, с чего начать разговор.

– Сперва поздороваемся. Это будет вежливым поведением, – решила Ннаонна. – Сразу бросаться на них с оружием не станем.

Девушка поправила заплечный мешок и медленно двинулась по склону, поросшему густым кустарником.

* * *

– Мир тесен! – с чувством произнес Ингви.

Сидя в кустах, они уже полчаса разглядывали лагерь северян. Морские разбойники лениво, без спешки готовились выходить в море. Медленно растаскивали ветки, которыми был покрыт корпус корабля. Другие – раскладывали на камнях снасти, распутывали канаты, еще один зачем-то переворачивал мачту... Действовали они настолько лениво, что, казалось, не закончат снаряжать судно и за месяц. Предводитель северян расхаживал по лагерю и не делал попыток поторопить своих людей. Здоровенный жирный бородач – он-то и послужил причиной замечания Ингви. Толстый Рогли – конунг, у которого когда-то начинал морскую службу Никлис.

– Ну так что, твое демонское? Как быть нам? Просто, слышь-ка, выйти?

– Ннаонна сказала, что нам надо поздороваться, – напомнил демон. – Ну, в общем, да. Просто выйти. А чего бы и нет?

– Ну, так я пошел?

- Все идем. Ты – первым. Мы следом. И не забудь поздороваться, – Ингви ухмыльнулся.
- Эх... все-таки страшновато малость.

Никлис вздохнул и встал из кустов.

- Эй, Рогли! – заорал начальник королевской стражи. – Здорово, толстяк! Эй!

Северяне подскочили, у кого было при себе оружие – схватились за рукояти. Из зарослей к ним шагала пестрая компания, передним – Никлис.

Толстый конунг пригляделся и поднял руку, останавливая своих молодцов, которые готовы были броситься в драку.

- Никир, ты что ли? – признал Рогли.

– А то нет?! Я самый и есть! Ингви-конунг со мной, да иные добрые люди. Ну, что? Приглашаешь, что ли, к своему костру?

– Так... чего ж? Приглашаю, – решился Рогли. – Эй, нынче пируем! Никир-викинг да Ингви-конунг к нам пожаловали...

Конечно, появление упомянутых героев выглядело куда как странно, не говоря уж о том, что с ними была очень уж пестрая компания, даже два монаха... Но, с другой стороны, чудеса время от времени происходят... и с этим ничего не поделаешь.

День уже шел к концу, когда викинги – было их два десятка, маловато для большого драккара – расселись вокруг огня и пустили по кругу чашу вина. Чаша была здоровенная, в нее влили все, что оставалось во флягах путешественников. У северян давно не бывало хмельного, так что за встречу пили, что нашлось у гостей. Рогли рассказал, как их занесла нелегкая в этот пустынный край.

– Слышал ли ты, Никир, что помер старик Друмар Зеленая Борода? И что конунгом на островах стал Гоегор?

- Нет, Рогли, не слышал. А что с того морским удалыцам?

– Гоегор объявил нас вне закона, – вздохнул толстяк. – Говорят даже, что он стакнулся с цветными колдунами из большого города.

- С Самоцветами? – удивился Ингви. – Энмарскими магами?

– Так говорят, – пожал плечами грузный конунг, – хотя поверить в такое трудно. Так ли, нет ли, однако Гоегор сперва запретил давать приют нашему брату на островах, а потом и вовсе выслал свои корабли с воинами, чтобы убивать нас без пощады. Говорят, часть конунгов подалась дальше на север, к Маргенским островам...

– Да ну? Маргены – сплошной камень и лед! Там скверная зимовка, – чаша с вином добралась до Никлиса, и он сделал хороший глоток. – А ты?

– Я попался людям Гоегора... Против нас было три драккара! – торжественно объявил Рогли. – Но мы отбились.

– Три? Ай-яй-яй... – Никлис покачал головой, вежливость требовала поддерживать беседу. Конечно, конунг приврал, но не сильно, в пределах приличий. – Знатный бой, наверное, получился!

– Угу, было весело, – согласился Рогли. – Но я потерял много людей, к тому же могли появиться еще корабли Гоегора... Да, еще начался шторм! Бешенство Морского Царя занесло наш драккар к этим скалам, вот и пришлось зимовать здесь, корабль нуждался в ремонте.

Что ж, все было ясно. Рогли в битве с северным конунгом потерял часть команды и не имел надежды пробиться на север, к Маргенам, куда ушли другие предводители викингов. Вот и сбежал сюда. Потому и не спешат спускать корабль на воду – побаивается идти с малочисленным экипажем.

– Но теперь ты починил драккар и, конечно, снова бросишь вызов людям Гоегора? – изображая простодушие, спросил Никлис.

- Да я... это... конечно!

– Возьми нас с собой, – предложил Ингви. – Если выйдет драка, мы будем сражаться вместе с тобой.

– Почтем за честь сражаться с тобой, Рогли, – уточнил Никлис. – Возьми, не пожалеешь.

Говорить, что Ингви – единственная надежда викингов, не следовало. Зачем лишний раз напоминать Рогли и его разбойникам, что их ватага в безвыходном положении? Они и так это знают.

Глава 11

Ванетиния

Пока имперские дела не коснутся маленького человека – ему не слишком интересно вникать в тонкости внешней и внутренней политики, куда больше беспокоит содержимое собственного погреба и сундуков. Вот ежели сундуки полны и в погребе запасы изрядные, ежели цех имеет достаточно заказов и есть уверенность, что завтра Гилфинг Светлый пошлет верные труды и заработки – тогда почему бы после рабочего дня не почесать язык в таверне за кружечкой пива с соседом, таким же почтенным мастером, отдыхающим после трудов праведных? Почему бы в воскресный день, пока домочадцы натягивают лучшие наряды, собираясь к проповеди, не изложить им, что отец семейства думает обо всех этих королях да герцогах? Конечно, тогда-то, в праздном спокойствии приятно посудачить, куда его величество поведет войско весной, да каким супостатам надлежит нынче дрожать в ужасе, ожидая неотвратимой кары.

Когда отступают заботы о собственном достатке, добрые ванетинцы очень даже охотно судили и рядили о том, куда Империя направит удар будущим летом.

Строили догадки, водили пальцами по столам, которые представлялись картой Мира – прокладывали маршруты между Малых гор, насыпанных из крошек хлеба, отбрасывали эльфов за Великую реку, проведенную смоченным в пиве пальцем... Теснили гномов и сокрушали гевских разбойников... И, разумеется, всячески превозносили молодого императора, да пошлет ему Пресветлый долгих лет и всякого блага. Иначе нельзя – ибо тех, кто дурно отзывался о монархе, могут же и в подземельях сгноить, да и виселицы у Восточных ворот не пустуют... Потому не болтали вслух лишнего, не решались признать, что волнуется-то на самом деле одно: не призвал бы снова император ванетинцев в ополчение, не повел бы под эльфские стрелы да гномьи секиры. Не бросил бы под копыта кавалерии восточных сеньоров... Натерпелись, признаться, страху в прошлом году бедняги.

Словом, то, что составляло смысл жизни императорского двора, для ванетских простолюдинов было нечастым развлечением, темой осторожных бесед. Чем ближе весна, чем скорей таял снег, чем гуще становилась грязь на улицах столицы – тем чаще начинали горожане задумываться: а что же будет весной? Чем обернутся высокие замыслы его величества для них, маленьких людей?

Однако казалось, что еще далеко до по-настоящему теплых дней, когда его императорское величество покинул столицу. Не было ни торжественной церемонии, ни даже пышного богослужения в кафедральном соборе. Не прозвучала старинная формула «Отсюда начинается война!» – с которой ванетские императоры вручали канцлеру скипетр и принимали из рук маршала меч Фаларика Великого. Не было ничего величественного и торжественного, ибо Алекиан отправлялся не сражаться с врагом Империи и даже не карать мятежников... Его величество во главе небольшого конвоя выступал из Ванетинии, чтобы нанести визит верным подданным в Сантлаке. И король этой страны, Метриен Первый, сопровождал императора в поездке.

Немногочисленные – был воскресный день – прохожие с удивлением глядели, как с расветом распахнулись ворота Валлахала, и его императорское величество во главе сотни всадников покинул резиденцию. Возглавляли шествие знаменосцы, флаги с имперским орлом и ванетским львом уныло поникли в сером утреннем воздухе, налитом сыростью. Далее следовал сам Алекиан, окруженный гвардейскими латниками, его сопровождал Гиптис Изумруд. Затем – несколько ванетских баронов под собственными знаменами и в сопровождении вооруженных людей в цветах сеньоров. Дальше – король Метриен в простых латах, также окруженный гвардейцами. Даже сантлакское знамя вез латник в желтом и красном, цветах империи.

Белый всадник с мечом и щитом на темно-синем знамени Сантлака поник, кажется, еще более печально, нежели красные львы и золотые орлы во главе колонны.

Замыкал шествие обоз. В одном из фургонов ехал смиренный брат Когер, в другом – сэр Коклос Полгнома. На карлике под серым камзолом была легкая кольчуга, к поясу привешен кинжал. Готовясь к походу, шут собственноручно сшил и набил тряпьем чучело в рост человека и подолгу тренировался наносить удары. Ради этого странного занятия он даже забросил слежку за придворными. Бойцом Коклос не сделался, но довел удар до автоматизма и полагал, что рука не дрогнет, когда случится в самом деле... конечно, в первый раз тяжело воткнуть нож в человека, но Полгнома считал, что когда придет время – рука ударит сама, по привычке, даже если разум будет испытывать сомнения.

Колонна гроыхала по мощеным улицам столицы, направляясь к Западным воротам. Ванетские горожане, провожая взглядами всадников и повозки, гадали, что означает это движение. И почему на запад? Всем было хорошо известно: гвардия нынче на востоке, там Гева, там враг... Почему же его величество направляется в противоположном направлении? Присутствие в свите императора изменника Метриена могло бы многое объяснить... но вместо этого оборачивалось новыми загадками. Однако верзилу узнали, пронеслось слово: «Сантлак».

* * *

Подковы звонко стучали по камням мостовой, скрипели колеса груженных фургонов, люди оборачивались вслед уходящей колонне. Западные ворота уже распахнули, немногочисленные путники прошли в ту и другую сторону, теперь улица пустовала. Из портала несло затхлой сыростью, но, когда Алекиан проезжал в ворота, он не заметил запахов. Император был погружен в себя и почти не глядел по сторонам. За воротами по обе стороны дороги потянулись поля. Снег сошел, теперь черная почва исходила паром... Дорога здесь превращалась в вязкое месиво, колеи наполняла вода, в них отражалось желтоватое небо, затянутое дымкой.

Взгляд Алекиана то опускался к луке седла, то скользил по пустынным равнинам, не задерживаясь. Глаза императора были пусты, со стороны могло бы показаться, что он размышляет, но на деле юноша словно спал без сновидений.

– Ваше величество!

Алекиан моргнул, возвращаясь к действительности, и обернулся.

– Ваше величество, – это был Гиптис, рядом с которым пристроился Изумруд помоложе, один из тех, кому поручили охранять изменника Метриена. – Король Метриен хочет поговорить с вами, просит уделить ему внимание.

Император несколько минут размышлял... потом кивнул и съехал на обочину. Копыта его жеребца тут же ушли во влажную почву.

Когда окруженный стражей предатель поравнялся с ним, император пустил коня шагом.

– Итак? – Алекиан обратил безразличный взгляд к предателю. – Вы желали нам что-то сообщить?

– Ваше императорское величество, – жалобно проныл здоровяк, – скажите, что будет со мной?

– Мы сообщили вам все, что требовалось. Есть у вас иные вопросы?

Но Метриен не зря ошивался последние недели при дворе в обществе вельмож и клириков. Он был достаточно ловок и наблюдателен, так что сумел разобраться, в какую сторону дуют ветры в Валлахале.

– Ваше императорское величество, дух Гилфингов снизошел ко мне, – все так же грустно тянул он, – я полон раскаяния. Я знаю, что прощения мне быть не может, ибо вины мои неопикуемы. Я прошу не о прощении, а о возможности наилучшим образом уменьшить груз грехов, тяготящий меня!

– Наилучшим образом? Метриен, вы богохульствуете. Гилфинг – не торговец, которому можно дать лучшую или худшую цену. Он – судия.

– Ах, ваше императорское величество, когда б я умел говорить так красиво! Однако послушайте! Я готов служить вам верно и преданно, я повергну Сантлак к вашим стопам, я буду сражаться за Империю... до тех пор, пока это может быть полезно. Я буду верен, как пес!

– Как пес в ошейнике, – напомнил Алекиан. – Пока что я не услышал ничего нового.

– Ваше императорское величество, когда Сантлак покорится, и вы сядете в Энгре на сантлакский трон, я, смиренно преклонив колена, сложу мой королевский венец к вашим ногам. Вы назначите новый Великий турнир, либо иным способом установите новую власть в королевстве.

– Может, и так... но это не будет искуплением вашей вины.

– Жизни не хватит, дабы замолить мои грехи, так они велики, – согласился верзила, – но я прошу назначить мне не казнь, а покаяние. Будучи монахом, я не смогу претендовать на престол Сантлака, но стану ежедневно и еженощно молить Светлого, дабы... дабы...

– Дабы и впредь длил вашу ничемную жизнь.

– Гилфингу угодны кающиеся! Не лишайте же меня возможности каяться!

Метриен неплохо подготовился к этой беседе.

– Хм... – Алекиан только теперь, похоже, заинтересовался словами изменника. – И какой же монастырь вы, Метриен, собираетесь избрать для покаяния?

– Любой, какой мне будет назначен. Хотя предпочтительней было бы служить Свету в рядах Белого Круга. И, ручаюсь, меч в моей руке послужит, наконец, доброму делу! Ваше императорское величество, позвольте молвить дерзкое слово? Моя смерть – утоление вашей личной мести, а моя жизнь в служении Белому Кругу – к общему благу! Дайте мне надежду, и я стану служить еще усердней, нежели из одного только страха!

– Мы подумаем, – кивнул император.

* * *

Коклос Полгнома не слышал этого разговора. Увы, в походе он растерял все свои преимущества – здесь не было возможностей, предоставляемых знанием секретных галерей Валлахала. Карлик трясся в обозном фургоне, на груде мешков.

За фургоном бежал на привязи смирный пони мышинной масти – новый боевой конь Коклоса. Конечно, Дрымвенниль был бы куда предпочтительней. Коклос сожалел, что тролль покинул службу. Сперва Полгнома точил кинжал, потом неосмотрительно попробовал пальцем лезвие, порезался, когда фургон качнулся на очередном ухабе... и убрал оселок. Опасное это дело – точить клинок на ходу! Да и вообще – опасное дело все эти военные походы!

Засунув порезанный палец в рот, Коклос перебрался к борту и стал рассматривать унылые окрестности сквозь прореху в ткани, которой был покрыт фургон. Ничего интересного – бескрайние поля, под днищем повозки хлюпает грязь, колеса с чавканьем погружаются в жижу, брызги звучно колотят по доскам снизу... Скучное это дело – военный поход!

Карлик несколько оживился, когда дорога миновала большое село. Ничего интересного, но все же хоть что-то можно разглядывать на ходу. Заборы, дома, вывеска над постоянным двором, остроконечный купол церквушки за тощими голыми кронами деревьев... Тут из-под копыт всадника, проскакавшего мимо фургона, в котором трясся Коклос, брызнуло грязью – да так метко, что несколько капель угодило точно в щель, сквозь которую глядел шут. Полгнома вытащил порезанный палец изо рта, оглядел – кровь не сочится. Утер рукавом грязные потеки с лица... и переполз назад. Поглядел на печального пони... очень удачно, что он выбрал боевого коня серой масти, не так видна грязь. Грязное это дело – военный поход!

Король Метриен глядел вслед императору, который пришпорил коня, чтобы снова занять место в голове колонны. «Как славно я провел этого тупого святошу, – размышлял изменник, поворачивая тесный ошейник, – как ловко я его обманул! Я буду верным вассалом, да что там – я буду слугой, рабом, псом... лишь бы наш мальчик позабыл, как при моем участии был зарезан папаша... Лишь бы мне избавиться от опеки магов... Хоть в войске Белого Круга, хоть бы где и хоть бы как!»

Император Алекиан, возвратившись на прежнее место под знаменами, бросил Гиптису Изумруд:

– Смотрите за Метриеном в оба. Он делает вид, что смирился... но смотрите за ним в оба. Пусть тешит себя надеждами до поры, но... но от расплаты ему не уйти. Смотрите за ним в оба, мастер Изумруд!

Коклос трясаясь в обозном фургоне, то зевал, то ощупывал кинжал в ножнах. Он размышлял о превратностях судьбы, о том, какое опасное, скучное и грязное дело – военный поход, о том, ради чего он, Коклос Полгнома участвует в этом марше по топкой дороге. Еще он думал, каким окажется участие в походе пророка Когера. Этот клирик ехал совсем рядом, в соседнем фургоне. Он не думал ни о чем.

Около сотни воинов и несколько десятков человек прислуги, движущихся по жидкой грязи на запад – мечтали, тосковали, грустили, лелеяли надежды, строили планы, скучали, разглядывая серый пейзаж... И только Когер не думал вовсе – а все же он, один из всех, понимал об этом походе больше всех остальных вместе взятых. На свой лад.

Глава 12

Гева, город Ренприст

Гезнур, широко улыбаясь, двинулся через зал. Солдаты расступались перед ним, уступая дорогу. Ролох Белый, как бы невзначай, шагнул чуть в стороне, но все время оставался поблизости. Посох мага едва заметно светился. Сам колдун внимательно рассматривал некроманта. Тот тоже задержал взгляд на большой фигуре в белом – чародеи заинтересовались друг другом.

– Все в порядке! – громко заявил Гезнур. – Это же наши союзники! Разве не вместе мы дрались под Арником?!

Как-то сразу стало спокойней... и громче. Наемники, перебрасываясь фразами, медленно расходились к своим столам. Часть двинулась к выходу.

Король подошел к маршалу и остановился перед ним. Тот опустил наконец ладонь, которая уже почти коснулась рукояти огромного меча.

– Итак, – заявил Гезнур. – Я, как и подобает герою, явился в последнюю минуту.

– Последнюю – перед чем? – хмуро прохрипел некромант.

– Если вам от этого легче, – гевец перестал улыбаться, – я скажу: перед тем, как вы обрушили своды «Очень старого солдата» и погибли под обломками вместе с этими людьми, гордостью большой дороги. А я ведь мог бы выразиться иначе – перед тем, как вас разорвали в клочья. Но я отдаю должное вашим способностям к разрушению.

Затем король обернулся к Белому:

– Мастер Ролох, все в порядке.

Колдун поклонился – не слишком низко, без подобострастия, и поплелся к своему обычному местечку у огня. Его посох больше не испускал свечения, и маг тяжело опирался на него при ходьбе.

– А вы очень милый, я сразу это поняла, – подала голос Глоада.

– Благодарю, ваше высочество. Присядем? Сегодня вы все равно уже никого не наймете. Давайте лучше поговорим.

– А завтра? – осведомился маршал, грузно опускаясь на стул.

– Завтра я порекомендую вас здешнему обществу. После того, как вы изложите мне план предстоящей кампании. И после того, как я сочту, что рекомендовать вас – в моих интересах. Если вы набираете солдат, значит, что-то задумали. Я, как король этой страны, хотел бы знать. Поймите, это не любопытство, а монаршие обязанности, Гангмар бы их взял!

– Хм-м... – протянул маршал. – Я не люблю говорить.

– Скажите коротко, да и покончим с этим. Можно подумать, я люблю слушать.

– После вашего вмешательства нам удастся собрать здесь людей?

– Во всяком случае, после моего вмешательства у вас появится шанс. Послушайте, к чему эти уклончивые разговоры? Я здесь хозяин, и, хотя я не всемогущ, мое слово весит немало. Вы никогда не задумывались, кому принадлежит заведение?

– Меня это не интересует. Откуда мне знать, как тут у вас устроено? Может, и городской общине принадлежит.

– Ренприст – маленький город. Он не смог бы проглотить такой большой кусок. Я скажу, хотя это более или менее тайна: «Очень старый солдат» – одно из капиталовложений гевской короны, одно из самых прибыльных капиталовложений. Так что мое вмешательство может сыграть немалую роль. Итак, не желаете мне рассказать, для чего вам солдаты? Чем больше я буду знать, тем лучше смогу вам помочь.

– Так же говорили здешние холуи, – заметила Глоада.

– Это их обязанности, принцесса, – Гезнур обернулся к болотнице и снова улыбнулся. – Однако гостям столь высокого ранга может прислуживать и хозяин, а? Я к вашим услугам.

Маршал покосился на спутницу, потом опустил взгляд. Он никак не мог решиться. Гезнур всячески подчеркивал, что они союзники, что они заодно... Непривычно. У некроманта не бывало союзников, он никогда и ни с кем не бывал заодно. Он был неизменно одинок – даже там, в Могнаке, среди тех, кто именовал друг друга братьями. Но теперь у него есть женщина – Глоада... и... и Гезнур? Друг? Союзник? Непривычно... Как все переменялось здесь, в Мире! Наконец чародей решился.

– Откровенно говоря, никакого плана у меня нет.

* * *

– Хорошее начало, – одобрил Гезнур. – Я слушаю.

– Да мы просто решили поразвлечься, – вставила Глоада. И потянулась к клетке, которую в начале разговора водрузила на стол. – Правда, малыш? Мамочке надо развлекаться, верно?

Некромант поглядел на спутницу и вздохнул.

– Да, – подтвердил он, – поразвлечься.

– И вы решили, перед тем, как выступить на подмостках, собрать зрителей? – Гезнур кивнул в сторону зала.

– Мамочке не нужны зрители, – продолжала Глоада, обращаясь к ящерице.

– По-моему, принцесса, вам в детстве не хватало кукол, – Гезнур покачал головой, – надеюсь, развлекаться вы собираетесь не моей земле?

– Нам все равно, где развлекаться, – заявила болотница, – но если вы так уж беспокоитесь, мы можем отправиться в Ванет. Или в Малые горы.

– В горах мои солдаты менее эффективны, – вставил маршал, – Ванет предпочтительней. Вас это устраивает, верно?

– Еще бы! – улыбка Гезнура стала еще шире. – Еще как устраивает! Сказали бы стразу – и недоразумений удалось бы избежать! Более того, все бы решилось куда быстрее и проще! Ну что у вас за манера, вечно темнить!

– С кем поведешься, – буркнул некромант.

– Э, бросьте! – Гезнур махнул рукой, – мои намерения совершенно прозрачны. Я собираюсь нанести ванетским императорам как можно больше ущерба, потому что не хочу им кланяться. А наш Мир устроен таким образом, что слабый волей-неволей кланяется сильному. Император сильнее... пока что он намного сильнее... и все, что его ослабит – мне на пользу. Да, в конечном счете – всем нам на пользу. Ну, так что у вас на уме?

– Поразвлечься, – повторила Глоада.

– В Ванете?

– В Ванете.

– А вы не могли бы рассказать *еще более* подробно? – слова «еще более» Гезнур выделил. – Возможно, я смогу оказаться полезен не только здесь, в «Очень старом солдате», но и там, в походе.

– Это не будет походом, – отрезал чародей. – Глоада, помолчи! Гезнур, я не собираюсь устраивать поход в интересах гевской короны, это будет мое дело, от начала и до конца *мое*. Я убью, кого захочу. Я сражусь, с кем захочу. Это будет моей игрой! Моей и Глоады. Не вашей.

Гезнур перестал улыбаться.

– Хорошо, – примирительно молвил король, – вы играете в собственную игру, и не собираетесь допускать меня на свою половину поля. Но, когда двое перебрасывают друг дружке мяч, каждый остается на своей половине, и, вместе с тем, они ведут общую игру. Что их объединяет?

– Что?

– Правила игры.

– Я не люблю правил.

– А я не собираюсь вам ничего навязывать. Правило будет только одно – играйте на ванетской земле. Если вы прижмете хвост кому-то из моих ванетских дружков, я переживу... хотя мне было бы неприятно потерять золото, потраченное на покупку этих мерзавцев. В военное время все дорожает, в том числе и мерзавцы. Новые обойдутся дороже... Но, Гангмар вам в помощь, режьте и их, если это доставит вам удовольствие!

– Он очень милый, правда, малыш? – пропела Глоада, обращаясь к ящерице.

Дрендарг снова задремал и не реагировал на слова хозяйки.

– Ладно, – решил некромант. – Отправьте со мной своих шпионов. Они подскажут, кого трогать нежелательно. Не обещаю, правда, что я прислушаюсь к их советам. Но выслушать – выслушаю. Наверное.

– Это даже больше, чем я надеялся получить! – Гезнур просиял. – Итак, завтра я объявлю здесь, что одобряю ваше предприятие... А вон, по-моему, кто-то из ваших.

Через зал шагал молодой колдун в черном, один из подручных некроманта. Мистик махнул ему рукой, юноша направился к беседующим.

– Мы заняли комнаты, выделенные для нас, – немного неуверенным тоном доложил колдун, – но здешняя прислуга отказалась принять серебро, они говорят: за все уплачено.

– В этих стенах вы – мои гости, – пояснил Гезнур. – Итак, завтра встречаемся здесь? В десять? Как раз снова соберется этот сброд.

– В десять.

* * *

Наутро Гезнур явился в большой зал и занял стол на балконе заказчиков. Его вкусы были в заведении давно известны, так что, едва король сел, трое слуг принесли завтрак. Чуть позже к господину присоединился его безымянный цирюльник. Гезнур, не прекращая жевать, указал место за столом.

Слуга сел, тут же, не дожидаясь особого приглашения, налил вина и схватил кусок говядины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.